

Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

Центральная Азия и украинский кризис

ru.valdaiclub.com
[#valdaiclub](https://twitter.com/valdaiclub)

Декабрь 2022

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-75-5

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2022

Российская Федерация, 127051, Москва,
Цветной бульвар, дом 16/1

Доклад подготовлен на основе серии ситуационных анализов, проведённых под эгидой клуба «Валдай» в течение 2022 года, бесценного опыта, полученного в ходе ознакомительных поездок в регион Центральной Азии, и интервью с уважаемыми региональными экспертами.

Руководитель проекта и основной автор благодарят участников ситуационных анализов, а именно: **В.Б. Кашина**, старшего научного сотрудника, директора Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ; **Е.М. Кузьмину**, заведующую сектором Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН; **А.А. Мигранян**, профессора, ведущего научного сотрудника Центра постсоветских исследований Института экономики РАН; **А.А. Перминову**, заместителя директора, шеф-редактора информационно-аналитического портала *ia-centr.ru*; **С.А. Притчина**, старшего научного сотрудника сектора Центральной Азии Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН; **И.А. Сафранчука**, директора, ведущего научного сотрудника Центра евроазиатских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России, и группу других ведущих российских экспертов по региону.

Также мы выражаем благодарность руководителю ООО «Инфра Проекты» **А.А. Безбородову** за помощь в предоставлении материалов относительно состояния и потенциала развития транспортно-логистической системы Евразии. Все ошибки и неточности в докладе – на совести руководителя проекта и основного автора.

В подготовке доклада участвовали стажёры – исследователи НИУ ВШЭ: **А.И. Вильданов** и **Е.В. Гришин**, студенты 2 курса магистратуры направления «Международные отношения: европейские и азиатские исследования»; **К.В. Гусева** и **М.С. Семёнова**, студентки 1 курса магистратуры направления «Международные отношения: европейские и азиатские исследования», лаборанты ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, и **Д.О. Матяшова**, аспирантка факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Об авторах

Руководитель проекта

Т.В. Бордачёв

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», научный руководитель ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, профессор НИУ ВШЭ

Основной автор

Д.Ю. Чижова

директор информационно-аналитического Центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, главный редактор информационно-аналитического портала о Центральной Азии ia-centr.ru

Содержание

- 4** Введение
- 9** Центральная Азия к февралю 2022 года
  - Казахстан
  - Киргизия
  - Таджикистан
  - Туркмения
  - Узбекистан
- 15** Влияние украинского кризиса на международное положение стран Центральной Азии
  - Европейский союз
  - Соединённые Штаты
  - Китай
  - Турция
  - Иран
- 27** Экономические последствия украинского кризиса для Центральной Азии
  - Казахстан: инфляция против диверсификации
  - Киргизия: параллельный импорт – новое золото?
  - Таджикистан: ложная тревога и победа над инфляцией
  - Туркмения: другие драйверы
  - Узбекистан: адаптация ради инвестиций
- 39** Кризис в Европе и политические позиции стран Центральной Азии
  - Казахстан
  - Киргизия
  - Таджикистан
  - Туркмения
  - Узбекистан
- 44** Евразийская связанность Центральной Азии
  - Восток – Северо-Запад (Срединный коридор, или Транскаспийский международный транспортный маршрут)
  - Международный транспортный коридор «Север – Юг»
- 53** Заключение

Введение

Положение Центральной Азии в системе внешнеполитических интересов России определяется её геополитикой, особенностями международно-политической организации и наличием у нас масштабных и многогранных связей с основными государствами региона. От других крупных частей пространства бывшего СССР (Европейская часть, Закавказье) Центральная Азия отличается тем, что там отсутствуют государства, для которых конфликт с Россией мог бы стать центральным элементом национальной внешней политики. Более того, политические отношения со всеми центральноазиатскими государствами являются традиционно дружественными. Этот фактор непосредственно влияет на то, как выстраиваются приоритеты и какие конкретные шаги предпринимаются в рамках российской политики на данном направлении.

Однако мы не должны закрывать глаза на многочисленные признаки потенциальной дестабилизации, направленной против как самих государств Центральной Азии, так и их отношений с Россией. Есть тревожные внутренние процессы, связанные с теми сложностями, которые страны региона испытывают на фоне военно-политического кризиса на Украине. Хотя в целом они находятся в более выгодном положении, чем некоторые другие соседи России, поскольку внешнее влияние на их внутреннее развитие и внешнеполитические связи ограничено объективными геополитическими обстоятельствами.

С началом украинского кризиса в 2022 году внимание России к событиям, происходящим в столь близком и важном регионе, как Центральная Азия, по понятным причинам несколько ослабло, и это, пожалуй, одно из важных упущений, чреватых последствиями. После обрушения режима, установленного иностранными интервентами в Афганистане, и восстановления у власти движения «Талибан»¹, на фоне сохраняющейся напряжённости в приграничных отношениях Киргизии и Таджикистана и острого внутривосточного кризиса, поразившего в первой половине января 2022 года Казахстан, этот регион заслуживал быть в центре спектра российских внешнеполитических приоритетов. Тем более что геополитическое расположение Центральной Азии между ведущими евразийскими державами делает её объектом пристального интереса не только России и Китая, но и их противников на международной арене. Этот интерес созрел ещё в тех условиях, когда мировая экономика была открытой и трансграничные торгово-экономические связи бурно развивались. Именно тогда благодаря колоссальному человеческому, промышленному и научному потенциалу, устойчивости политических систем, способности обеспечить преемственность верховной власти страны Центральной Азии стали привлекательны для внешнеэкономических партнёров.

Место государств Центральной Азии в международной политике и мировой экономике является продуктом их внутреннего развития в последние тридцать лет. Эволюция национальных политических систем и состояние экономик разные в каждом конкретном

---

¹ «Талибан» – организация находится под санкциями ООН за террористическую деятельность.

случае. Географическая близость к глобальным центрам силы является определяющим фактором не только для выстраивания отношений с Россией и Китаем, но и для взаимодействия с крупными и средними партнёрами, находящимися на значительном удалении от Евразии.

Каждое государство региона самостоятельно определяет течение своей внутривнутриполитической жизни и интенсивность внешних связей, сохраняя при этом идентичность. Россия традиционно поддерживает дружеские отношения со всеми ними. Страны, географически приближенные к России и Китаю, безусловно, испытывают влияние этой близости, что иногда отражается на их внутри- и внешнеполитических решениях. Другие, не имеющие с Китаем или Россией общей границы или географически удаленные от них, в большей степени ориентируются на внутренние процессы развития и демонстрируют уверенность в своих силах. Таким образом, можно ожидать, что именно геополитическое положение определит то, как на государствах Центральной Азии скажутся последствия украинского кризиса и какими могут быть основные вызовы для их внутривнутриполитической устойчивости, автономии в плане внешних связей и экономического развития.

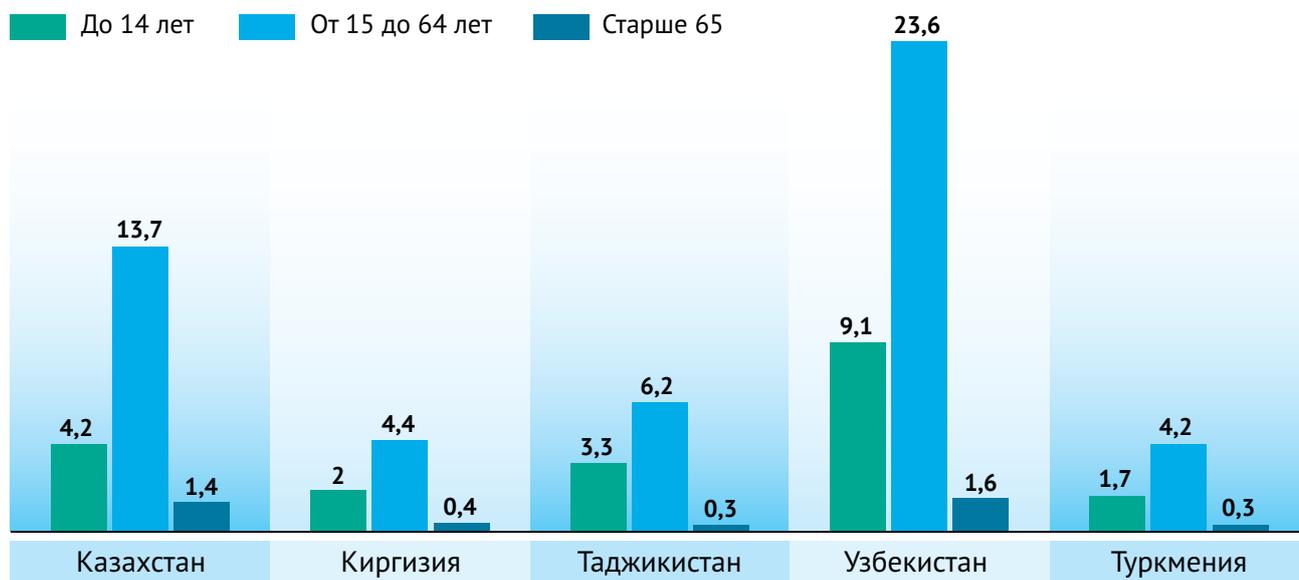
В современном политологическом дискурсе под Центральной Азией, или Центрально-Азиатским регионом, подразумевают бывшие республики Советского Союза – Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Туркмению и Таджикистан. Несмотря на то, что термин в этой интерпретации прочно закрепился в международных отношениях и регионоведении, существует другое его понимание, связанное преимущественно с географическим определением пространства.

Так, «большой» регион Центральной Азии включает в себя не только указанные республики, но и обширную территорию российского Алтая, Монголии, Тибета, значительную часть западного Китая, Афганистан. В историографии Российской империи, где применялся географический подход, в записках путешественников и исследователей территория именовалась Туркестан, в советский период – согласно принципу экономического районирования, использовалось определение «Средняя Азия и Казахстан». В западной историографии под термином *Central Asia* понимается территория всех пяти бывших советских республик.

Важно отметить, что Центральная Азия – это и политическое самоназвание «пятёрки». Ещё в 1992 году Нурсултан Назарбаев на саммите лидеров стран Средней Азии предложил отказаться от формулировки «Средняя Азия и Казахстан» в пользу «Центральная Азия», имея в виду не широкие географические, а исключительно политические границы пяти республик. В целом этот подход доминирует сейчас в политических заявлениях представителей стран региона.

За тридцать лет независимости каждое из государств Центральной Азии прошло собственный путь адаптации политических, социально-экономических и даже культурных моделей/особенностей к вызовам, связанным с необходимостью самостоятельного определения основ внешней и внутренней политики. В момент распада СССР ни одна из республик региона не стремилась к отделению, как это было, например, с Прибалтикой, Грузией

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА ПО СОСТОЯНИЮ НА НАЧАЛО 2022 ГОДА, МЛН ЧЕЛОВЕК

Источники: Бюро национальной статистики Республики Казахстан, Департамент Статистики ООН в области демографической и социальной статистики

или Арменией. Тем не менее сейчас все страны региона – это состоявшиеся, хоть и до сих пор ищущие себя, государства, которые пытаются заявить о себе на международной арене. О своём интересе к региону и сотрудничеству с ним заявляют не только Россия или Китай, но и страны Запада, а также Турция и, в меньшей степени, Иран.

Экономическое и демографическое состояние региона также является двойственным. Сейчас Центральная Азия – это 77 миллионов человек, проживающих на площади свыше 4 миллионов квадратных километров. В регионе преобладает молодое население – средний возраст в самой «молодой» Республике Таджикистан – 25,3 года, а в самом «старом», Казахстане, 31,8. Для сравнения – средний возраст в странах Европейского союза – 43,9, а в России – около 37–40 лет.

При этом по общим суммарным показателям регион динамично развивается – объём ВВП в 2021 году составил 347 миллиардов долларов; для сравнения – в 2010 году он равнялся 63 миллиардам. Страны региона традиционно считают, что их положение на перекрёстке торговых путей между Азией, Ближним Востоком и Европой делает «пятёрку» привлекательной для инвестиций не только в транзитный, но и в промышленный и торговый потенциал. Однако удалённость от морских торговых путей и слабое, по сравнению с Азией, Россией и Европой, развитие транспортно-логистической системы пока не позволяют говорить о полноценной реализации инвестиционного потенциала региона. Этим обусловлен и стабильно высокий отток рабочей силы из большинства

стран Центральной Азии в направлении российского рынка труда. Стоит отметить, что ситуация в этой области не изменилась за девять лет, прошедшие с момента провозглашения в 2013 году китайской инициативы «Пояс и путь», которую многие рассматривали как возможность развития в регионе промышленного потенциала, включения стран Центральной Азии в международные производственные цепочки и присоединения к глобальной транспортно-логистической системе. В таких странах, как Казахстан или Киргизия, увеличению инвестиций из Китая препятствуют коррупция, клановые порядки и высокая степень общественной синофобии. Последнее имеет глубокую историческую основу и подпитывается информацией о якобы неблагоприятном положении мусульман в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

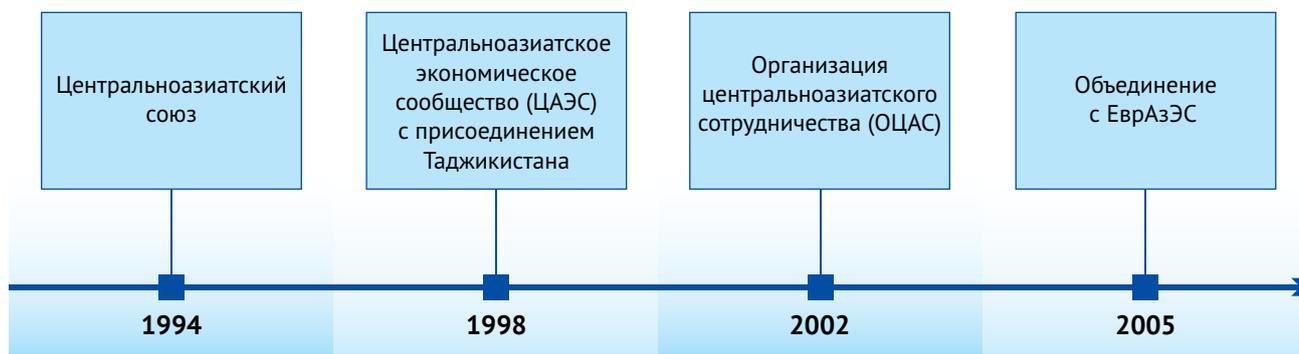
Попытки самостоятельной региональной интеграции предпринимаются все тридцать лет независимости, но пока каких-либо устойчивых форм они не приняли. Так, 13 декабря 1991 года в Ашхабаде прошла встреча в формате «пятёрки», по итогам которой страны выразили согласие присоединиться к СНГ. В апреле 1994 года в Чолпон-Ате Казахстан, Киргизия и Узбекистан заключили договор о создании единого экономического пространства, что положило начало созданию Центральноазиатского союза (ЦАС). В марте 1998 года к нему присоединился Таджикистан, и с июля 1998 года объединение четырёх стран официально стало именоваться Центральноазиатским экономическим сообществом (ЦАЭС). В 2002 году была создана Организация центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС) – договор об её учреждении был подписан в феврале. Однако в октябре 2005 года на саммите ЦАС в Санкт-Петербурге было принято решение объединить ЦАС с ЕврАзЭС.

В основе последовательной несостоятельности попыток региональной интеграции лежат зависимость от воли лидеров государств, особенности политических режимов и этапов становления государственности, разница в структуре экономик, в конечном счёте – отсутствие целесообразности и реальных, а не умозрительных возможностей для выгодного объединения.

Мешало и значительное количество противоречий и нерешённых вопросов, доставшихся в наследство от территориального размежевания в начальный период развития республик Центральной Азии в составе СССР – от проблем делимитации и демаркации границ, природо- и водопользования до проблем неформальной конкуренции между региональными столицами за роль неформального лидера. Стоит отметить, что Туркмения придерживалась нейтралитета и не участвовала в перечисленных выше объединениях, что, однако, не мешало принимать саммиты и встречи.

Внешние партнёры стран Центральной Азии никогда не выступали против их узкого регионального сотрудничества: Россия видела в этом дополнительную возможность внутренней стабилизации непростого направления своей внешней политики, Китай

ЭТАПЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

исходил из аналогичных соображений, а страны Запада, наоборот, всегда рассматривали региональную интеграцию как способ подорвать там позиции Москвы и в последующем – Пекина.

В настоящее время страны региона связаны едиными транспортно-логистическими цепочками, необходимостью совместного использования водных ресурсов и энергетических сетей, оставшихся с советского времени, которые напрямую влияют на инвестиционную привлекательность Центральной Азии и внутреннюю политическую стабильность. И всё же этого оказалось недостаточно для реальных политических и выгодных экономических шагов – региональный интеграционный проект так и не был реализован, и, скорее всего, в этом плане нескоро что-то изменится. Тем не менее зарубежные партнёры на практике воспринимают республики если не гомогенным пространством, то как минимум единым форматом международного взаимодействия. Это подчас даже вызывает раздражение у государств Центральной Азии, которые, несмотря на все лозунги о единстве и сотрудничестве, видят друг друга именно как конкурентов за немногочисленные иностранные инвестиции.

Что можно отметить в практической плоскости: в 2004 году впервые прошёл диалог «Центральная Азия – Япония»; в 2007-м – «Центральная Азия – Республика Корея». С 2015 года формат «С5+1» внедрила США (рамочное соглашение о торговле и инвестициях между США и странами Центральной Азии было подписано ещё в 2004 году). Россия, Китай и ЕС стали использовать формат «Центральная Азия +» с 2019 года, после того как в 2018 году, по инициативе президента Узбекистана Шавката Мирзиёева, формат центральноазиатской «пятёрки» был возрождён – ежегодно стали проходить Консультативные встречи глав государств Центральной Азии. Несмотря на то, что между государствами остаются противоречия, а разрыв между экономиками республик за прошедшие годы только вырос, формат представляется удобной площадкой для сверки часов центральноазиатских лидеров.

Центральная Азия к февралю 2022 года

Начало специальной военной операции (СВО) России на Украине 24 февраля 2022 года застало страны Центральной Азии в разном политическом и социально-экономическом состоянии. Военно-политический кризис на Украине и экономическая война Запада против России оказывают на страны Центральной Азии воздействие как на общем региональном, так и на индивидуальном, страновом уровнях. Оно является разноскоростным, разноуровневым и находится в зависимости от состояния национальных политических систем, положения дел в экономике, степени экономической интеграции с Россией, а также от масштабов западного вовлечения в экономическую жизнь республик и влияния на их общества, политические элиты.

Наибольшей устойчивостью к украинскому кризису обладают страны региона с относительно консолидированными политическими системами и высоким уровнем реального суверенитета – Узбекистан, Таджикистан и Туркмения. Больше всего подвержены рискам страны, имеющие разбалансированные политические режимы и тесно связанные одновременно с Россией и Западом, – Казахстан и Киргизия. По степени внутренней стабильности республики региона также неоднородны – наиболее высокий уровень здесь демонстрирует Туркмения, наименее – близкий к России, но характеризующийся внутренними противоречиями и нерешаемыми дисбалансами Казахстан.

Казахстан

В наиболее сложной ситуации после начала СВО оказался Казахстан, только-только переживший январские события 2022 года, когда социальное недовольство повышением цен на газ было использовано политическими элитами при поддержке внерегиональных игроков для изменения внутривнутриполитического баланса сил.

Причины внутреннего кризиса – по большей части экономические – были достаточно глубокими. С 2010-х годов в регионах страны наблюдалось социальное расслоение. Разрыв между средней и медианной зарплатой на западе в Мангистауской области (там находится город

Жанаозен, где начались протесты) и Атырауской области составляет 45,3 и 44,3 процента соответственно. Именно здесь расположены нефтедобывающие компании («Тенгизшевройл», «КазМунайГаз»), формирующие экономику страны. За тридцать лет в Казахстане сложилась ситуация, при которой национальные богатства оказались сконцентрированы в руках элиты, а значительная часть доходов выводится за границу. Доля национальных компаний значительно уступает доле иностранных инвесторов: к примеру, на месторождении Тенгиз национальная компания «КазМунайГаз» имеет только 20 процентов, на месторождении Кашган – 16,88 процента, на Карчаганке – 10 процентов. Кроме того, к началу 2022 года значительно – на 2 процента – повысился уровень безработицы, достигнув 5 процентов. Важно отметить, что наибольшее число безработных приходится на наиболее густонаселённые и при этом менее обустроенные (инфраструктурно, социально и так далее) территории страны – на Южный Казахстан, особенно Алма-Ату и Туркестанскую область. С 2019 года сокращались потребительские возможности населения при резком росте инфляции. Эти факторы стали двигателем общественных выступлений, переросшие в грабежи и погромы в крупнейших городах республики.

Драматическая январская ситуация была урегулирована с помощью коллективных миротворческих сил ОДКБ, просьба о которой поступила от руководства республики. Однако к моменту начала СВО, хотя основные кадровые перестановки – смена председателя Совета безопасности, премьер-министра, главы Комитета национальной безопасности, акима «Южной столицы» Алма-Аты, председателя Мажилиса нижней палаты парламента республики, ряда министров и других должностных лиц – были уже произведены, процесс внутривнутриполитической стабилизации только начался.

А значит, властям республики нужно было выработать позицию по отношению к СВО в условиях внутренней неопределённости, по горячим следам собственного острого кризиса. Важно и то, что в результате событий января 2022 года был разрушен создававшийся годами образ «степной Швейцарии» с успешной экономикой и политической системой, выявлена неспособность властей решать внутренние проблемы своими силами. Последовавшая за началом СВО со стороны Казахстана риторика

в отношении России и международной ситуации вообще связывается наблюдателями с тем репутационным ущербом, который был нанесён республике в январе 2022 года.

Киргизия

Киргизия пережила политический кризис несколько раньше, в ходе октябрьских событий 2020 года. Тогда на волне очередных массовых протестов к власти пришёл Садыр Жапаров, который был легитимно избран в 2021 году с 79,2 процента голосов при рекордно низкой явке в 39 процентов. Для сравнения: предыдущий президент Сооронбай Жээнбеков в 2017 году избрался с 54,22 процента голосов (явка 55,93 процента), Алмазбек Атамбаев в 2011 году с 63,24 процента (явка 61,28 процента), Курманбек Бакиев – 88 процентов (явка 72,52 процента) в 2005-м и 76,12 процента (явка 79,3 процента) в 2009 году, Аскар Акаев – 74,47 процента (явка 78,4 процента) в 2000 году и 71,59 процента (явка 86,19 процента) в 1995 году².

Однако особенности киргизской структуры власти и общества создают больше рисков, чем стабильности. Сложившаяся консенсусная система де-факто дуумвирата сохраняет видимость некоего баланса киргизской модели управления: тандем Жапарова (уроженца Иссык-Кульской области) с главой силового блока, выходцем из Джалал-Абадской области, вице-премьер-министром – председателем Государственного комитета национальной безопасности (ГКНБ) Киргизской Республики Камчыбеком Ташиевым контролирует основные государственные структуры.

В апреле 2021 года, после президентских выборов, прошёл референдум о форме правления, где 84,1 процента населения проголосовало за переход от парламентско-президентской к президентской республике, что позже было зафиксировано в новой конституции. С одной стороны, это упростило государственную систему принятия решений (реформа значительно расширила полномочия президента), с другой – при низкой явке и недовольстве со стороны парламентариев заложило основу для последующих протестов.

---

² На выборах 1991 года Аскар Акаев получил 95,33 процента. Но голосование было безальтернативным и производилось по принципу за/против.

Крайне острым вызовом для системы оставались участвовавшие пограничные конфликты с Республикой Таджикистан.

Экономика республики к началу 2022 года не восстановилась в полной мере после пандемии коронавируса. Несмотря на то, что ВВП вышел на допандемийный уровень, в основном за счёт восстановления производственных и сельскохозяйственных мощностей, границы с ключевыми торговыми партнёрами функционировали ограниченно. За 2021 год инфляция составила 11,91 процента (в 2020 году этот показатель составлял 6,32 процента), что привело к росту цен для потребителей. Переводы трудовых мигрантов из России, которые составляют порядка 30 процентов ВВП страны, в начале 2022 года восстановили допандемийный уровень в денежном выражении.

Таджикистан

К началу 2022 года Таджикистан преодолел основные экономические последствия пандемии. Объёмы переводов мигрантов (по разным оценкам около 34,5 процента ВВП страны)³ к концу 2021 года выросли до показателей 2020 года. Восстановление темпов работы добывающей промышленности (в основном за счёт добычи золота на СП «Зарафшон») вкпе с ростом сельскохозяйственного производства позволили республике опередить международные прогнозы.

Однако были другие внутренние вызовы – в ноябре 2021 года в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) прошли массовые протесты после ареста ряда лидеров местных активистов. ГБАО – один самых сложных регионов страны: протяжённая граница с Афганистаном, сложная для патрулирования из-за ландшафта, радикальные группировки, практически не контролируемые со стороны Кабула. Территория области занимает 45 процентов площади республики, при этом проживает там около 3 процентов населения страны. Значительная часть говорит на памирских языках и исповедует исмаилизм, одно из ответвлений шиитской ветки ислама («равнинные» таджики исповедуют ислам суннитского толка). Горные массивы богаты минералами и полезными ископаемыми, которые разрабатываются иностранными компаниями (в основном китайскими). Это создаёт ситуацию для социальной напряжённости – бедность населения, трудности с жилой инфраструктурой и доступом к товарам и продуктам, высокий уровень криминогенности, жёсткие силовые методы по управлению регионом регулярно вызывают протесты.

---

³ A War in a Pandemic // World bank group. 2022. URL: https://www.knomad.org/sites/default/files/2022-07/migration_and_development_brief_36_may_2022_0.pdf

Протестные настроения в ГБАО имеют системный характер и свою историю – в период гражданской войны в Таджикистане бадахшанские лидеры были активными сторонниками антиправительственного блока Объединённой таджикской оппозиции. Не добавляет стабильности и ключевое значение ГБАО в афганском наркотрафике, который только усилился после прихода в Афганистане к власти движения «Талибан».

Помимо ГБАО, вызовом для республики является ситуация на киргизско-таджикской границе протяжённостью 980 км, из которых определены и взаимно признаны лишь около 600 км, остальные участки считаются спорными. Вопросы пользования совместными дорогами, а самое главное – водными ресурсами и пастбищами, приводят сначала к бытовым столкновениям, а затем – вмешательству со стороны пограничников.

Перед президентом Таджикистана также стоит вопрос транзита власти, который, вероятно, пройдёт по сценарию от отца к сыну. Сын Эмомали Рахмона – Рустам Эмомали с апреля 2020 года занимает должность председателя Национального совета (Маджлиси Милли) – верхней палаты Высшего собрания (Маджлиси Оли) Республики Таджикистан, совмещая эту должность с должностью мэра Душанбе. По мнению таджикских экспертов, Рустам Эмомали прошёл хорошую подготовку в разных госведомствах, представлял страну на международной арене и в целом готов занять высший пост в стране.

Другим сложным моментом для Таджикистана является ситуация с Афганистаном. Бегство американских войск в августе 2021 года обострило для Душанбе вопросы, связанные с национальной безопасностью. Выводя войска из Афганистана, США оставили значительное количество оружия, которое попало в том числе к радикальным группировкам. Оценить объёмы не представляется возможным. Таджикистан имеет вторую по протяжённости границу с Афганистаном, и Душанбе опасается не только прямого проникновения террористов на территорию страны, но и формирования легитимного (с международной точки зрения) государства на основе законов шариата вблизи собственных границ. На то есть свои причины – Таджикистан единственная постсоветская страна, где существовала парламентская партия исламского толка. Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) была одной из главных сил, противостоявших правительству в гражданской войне, предлагая иную концепцию развития страны на основе исламских законов. Учитывая рост религиозности среди населения Таджикистана, низкий уровень образования и бедность, идеи подобной системы управления могут вновь обрести популярность.

Туркмения

Для Туркмении транзит власти также стал одним из важнейших вопросов – 12 февраля 2022 года Гурбангулы Бердымухамедов объявил о сложении полномочий. Преемником стал его сын Сердар Бердымухамедов, который к тому моменту занимал пост вице-преьера по финансово-экономическому сектору и курировал нефтегазовую отрасль.

Подготовка Бердымухамедова-младшего включала работу в госорганах, руководящие должности в министерствах и правительстве, установление прочных контактов с зарубежными партнёрами через систему Международной патентной классификации и образование. Переход власти был подкреплён курирующей ролью Бердымухамедова-старшего – он занял пост председателя Халк Маслахаты – верхней палаты Милли Генгеша (парламента страны).

Основу экономики республики составляет экспорт углеводородов, при этом 80 процентов закупается Китаем⁴. Важно отметить, что значительная доля поставок идёт в счёт покрытия долгов, которые есть у Туркмении перед КНР. Помимо Китая, покупателями туркменского газа остаются Россия и Казахстан. Туркмения крайне заинтересована в диверсификации поставок и поиску новых маршрутов. Зависимость от продажи энергоносителей, привязанных к курсу доллара США, а также отсутствие реальной диверсификации, приводит к крайней степени зависимости страны от внешних акторов и является риском для внутренней политики страны.

Узбекистан

Высокой степенью внутривнутриполитической и экономической стабильности отличался к моменту начала военно-политического кризиса на Украине Узбекистан. Политика Шавката Мирзиёева, переизбранного в 2021 году с большим кредитом доверия среди населения (80,31 процента при явке в 80,04 процента), направлена на поступательную реализацию реформ, привлечение инвестиций и развитие реального сектора экономики страны. Именно экономика – основное направление для Узбекистана, где рост населения сочетается со значительным дисбалансом развития регионов. Основные инвесторы в Узбекистане – Россия и Китай. Россия является крупнейшим торговым партнёром страны и основным направлением для трудовой миграции, которое формирует порядка 13 процентов ВВП республики.

---

⁴ Major Macro Economic Indicators // Coface. 2022. URL: <https://www.coface.com/Economic-Studies-and-Country-Risks/Turkmenistan>.

Таким образом, к началу 2022 года Узбекистан подошёл со следующими планами: формирование позитивного инвестиционного имиджа, привлечение инвестиций в реальный сектор и повышение качества человеческого капитала для реализации крупных экономических реформ. Особо стоит вопрос развития транспортных проектов: Узбекистан не имеет выхода к морю, и для доступа к нему требуется пересечение границ минимум двух государств. Вывод войск из Афганистана и приход к власти движения «Талибан» позволили Узбекистану актуализировать вопрос о строительстве трансафганских проектов – прежде всего «Мазари-Шариф – Пешавар». Узбекистан проводит системную работу по привлечению инвестиций в строительство коридора и заинтересован в реализации всех трансафганских проектов, хотя надежд на осуществление мало.

Влияние украинского кризиса на международное положение стран Центральной Азии

Геостратегическое положение стран Центральной Азии исторически делало регион объектом внимания со стороны великих держав. Особенно ярко оно проявлялось во время борьбы между Российской и Британской империями во второй половине XIX и начале XX века. Удобные сухопутные маршруты, связывающие Азию и Европу, значительные сырьевые ресурсы и возможность использовать регион как рычаг давления на сопредельные страны – причины, по которым после распада СССР интерес основных внерегиональных игроков – США и Европейского союза – к странам Центральной Азии только возрос. Во многом именно со стремлением привлечь к себе внимание ведущих стран либерального мирового порядка было связано то, что после обретения в 1991 году суверенитета Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан официально придерживаются концепции многовекторности в своей внешней политике⁵. Особняком стоит Туркмения, сформулировавшая свой внешнеполитический принцип как «позитивный нейтралитет»⁶, что зафиксировано резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН.

---

⁵ Узбекистан формулирует свой принцип внешней политики как «сбалансированная равноудалённость в отношении мировых центров силы».

⁶ Мирзеханов В., Тюльпаков М. Доктрина позитивного нейтралитета и внешнеполитические приоритеты постсоветской Туркмении. КиберЛенинка. 03.03.2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-pozitivnogo-neytraliteta-i-vneshnepoliticheskie-prioritety-postsovetskoy-turkmenii/viewer/>.

ВИЗИТЫ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ: США И ЕС В 2022 ГОДУ

США

ЕС

Германия

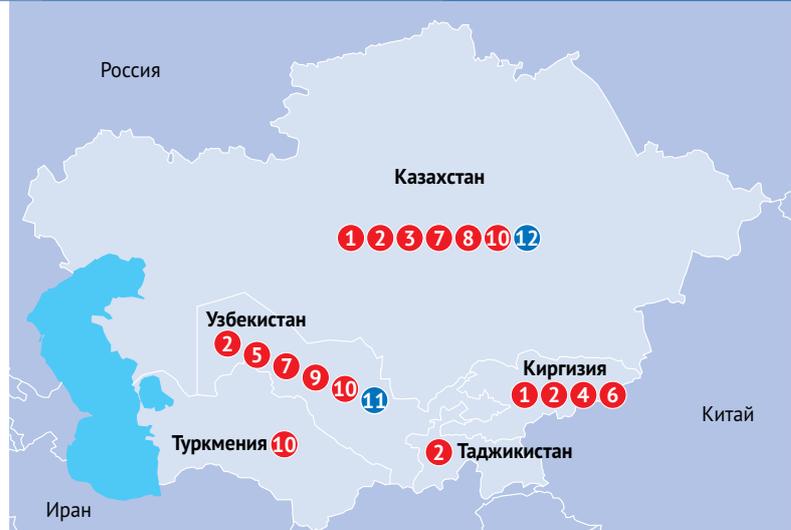
Франция

 Визиты
в Центральную
Азию

 Визиты
из Центральной
Азии

Темы

11–16 апреля

1

Уэра Зея посетила
Киргизию и Казахстан

Демократические институты
в странах, права человека
и сотрудничество по этим
направлениям

24–27 мая

2

Делегация во главе
с Дональдом Лу посетила
Киргизию, Узбекистан,
Казахстан, Таджикистан

Укрепление отношений
США с регионом и продви-
жение совместных усилий
по созданию безопасной
обстановки, обход антирос-
сийских санкций

22 августа

3

Делегация ЕС
посетила Казахстан

Права человека и верхо-
венства закона, резолюции
Европейского парламента
по Казахстану, ход рассле-
дований январских событий
и демократических реформ
президента Касым-Жомарта
Токаева

7 октября

4

Элизабет Кеннеди
Трюдо посетила Киргизию

Взаимодействие в сфере
информации, в том числе
по развитию свободы слова,
и масс-медиа

16–17 октября

5

Делегация Министерства
торговли во главе с Марисой
Лаго посетила Узбекистан

Инвестиции,
сотрудничество,
Узбекистан в WTO

16–18 октября

6

Роберт Ангер
посетил Киргизию

Пограничная ситуация,
чрезвычайные ситуации

26–28 октября

7

Шарль Мишель посетил
Казахстан и Узбекистан
в рамках саммита
«Центральная Азия+ЕС»

Энергетическая и продо-
вольственная безопасность,
«зеленая экономика»,
сотрудничества в сфере
транспорта и логистики

31 октября

8

Анналена Бербок
посетила Казахстан

Права человека,
политическое положение
страны, реформы и проекты
по инфраструктуре
в сфере цифровизации,
энергетики и транспорта

1 ноября

9

Анналена Бербок
посетила Узбекистан

Вывоз из Афганистана тысяч
людей через территорию
Узбекистана, региональное
сотрудничество в Централь-
ной Азии, кризисы в регионе

6–11 ноября

10

Дональд Лу посетил
Туркмению, Узбекистан
и Казахстан

Политическое
сотрудничество
и санкции

23 ноября

11

Визит Ш. Мирзиёева
во Францию

Инвестиции, дошкольное,
школьное, высшее образо-
вание, гуманитарно-
культурное взаимодействие

29–30 ноября

12

Визит Токаева
во Францию

Атомная энергетика,
высшее образование,
инвестиции

Поначалу после 1991 года партнёрство со странами Запада для региона являлось единственно возможной стратегией привлечения инвестиций в экономику, создания новых торговых цепочек и решения вопросов безопасности. Несмотря на то, что в последнем случае поддержка со стороны Запада никогда не имела решающего значения, сотрудничество с США и ЕС рассматривалось как способ несколько уравновесить доминирующее российское влияние на положение региона в области безопасности.

Однако к середине 2010-х годов политика многовекторности начала переживать кризис – однополярность мирового порядка стала разрушаться, сопровождаясь формированием альтернативных США центров силы. Пиковой точкой этого процесса был украинский кризис, вылившийся в прямое противостояние России и стран коллективного Запада. Это не могло не затронуть страны Центральной Азии, которые испытывают сейчас серьёзное внешнее давление. Часть наблюдателей склонна считать, что западные партнёры стран Центральной Азии требуют от них определиться с приоритетами сотрудничества. Таким образом, можно предположить, что, несмотря на общее относительно благоприятное влияние украинского кризиса на регион (есть шанс извлечь ряд экономических выгод), в долгосрочной перспективе его страны могут столкнуться с серьёзными вызовами.

С февраля по ноябрь 2022 года представители официальных структур ЕС и США совершили не менее восьми визитов разных уровней в страны Центральной Азии. Отметим, что такая интенсивность контактов не характерна для взаимодействия стран Центральной Азии и коллективного Запада.

При этом с началом украинского кризиса риторика ЕС и США в отношении стран Центральной Азии не смягчилась – скорее, наоборот, стала более конкретизированной и жёсткой. Политические цели и задачи Запад формулирует публично, работая по принципу «большее за большее»: обещание инвестиций в обмен на допуск к оценке процесса демократизации режимов. Отметим, что несмотря на то, что ЕС и США имеют общие интересы в сфере обеспечения безопасности, их реальные стратегии в экономике и гуманитарной сферах отличаются.

Европейский союз

Ещё до начала украинского кризиса стратегия Европейского союза в Центральной Азии, опубликованная в мае 2019 года, зафиксировала важность региона для ЕС. Согласно стратегии, ЕС заинтересован как в развитии транспортно-логистического потенциала региона по линии Европа – Азия, так и в импорте ресурсов и потенциальном экспорте собственных товаров

(рынок Центральной Азии – 77 миллионов человек, где 35 процентов населения моложе пятнадцати лет)⁷. Фактическое экономическое сотрудничество с ЕС незначительно (исключение – Казахстан, который является четвёртым крупнейшим поставщиком сырой нефти в Европу).

Стратегия Европейского союза декларировала отказ от агрессивного вмешательства в перестройку политических систем региона в пользу поддержки демократизации институтов для обеспечения развития и безопасности.

Ещё до начала украинского кризиса 2022 года ЕС анонсировал инфраструктурный проект «Глобальный шлюз» (*Global Gateway*), направленный на развивающиеся страны и укрепление позиций Европы в мире. Общий бюджет инициативы – 300 миллиардов евро на шесть лет. Для стран Центральной Азии предусматривались следующие направления сотрудничества: повышение уровня цифровизации экономик, диверсификация транспортных маршрутов с опорой на Транскаспийский мультимодальный коридор, внедрение возобновляемой энергетики и «умное» сельское хозяйство. Разумеется, участие в проекте должно было сопровождаться постоянным мониторингом брюссельской бюрократией внутривнутриполитических реалий и проверками на соответствие систем принципам демократии. Но инициатива формулировалась в 2021 году, сейчас же, в условиях энергетического кризиса в Европе и при росте инфляции, часть суммы может быть направлена на решение внутриевропейских проблем.

Особое внимание к «демократизации» политических систем – классическое требование ЕС. Однако отсутствие чётких критериев превращает принципы соблюдения прав человека и оценку степени демократичности институтов в инструмент давления Европейского союза на незападные страны. Так, в Казахстане по результатам президентских выборов в ноябре 2022 года миссия БДИПЧ ОБСЕ опубликовала доклад, где выборы были названы неконкурентными, а власть обвинена в непрозрачности подсчёта голосов и отсутствии свободы выражения воли населения.

В гуманитарной сфере ЕС остаётся одним из крупнейших доноров. На период с 2021 по 2024 год выделено более 390 миллионов евро на развитие гуманитарных программ в сфере цифровизации, природопользования и экологии, хотя большинство из этих средств пойдёт, естественно, на местные неправительственные организации или европейские консультации по связанным вопросам.

---

⁷ Еремина Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии: прогноз на 2022 год // Евразия. Эксперт. 25.01.2022. URL: <https://eurasia.expert/strategiya-es-v-tsentralnoy-azii-prognoz-na-2022/>.

Соединённые Штаты

США, не имея в Центральной Азии реальных экономических интересов (за исключением Казахстана, где частные корпорации владеют значительной долей добычи нефти), заинтересованы в использовании региона как инструмента влияния на крупнейших оппонентов – Россию и Китай. Именно поэтому публичная риторика американских представителей крайне жёсткая. Фактически госдепартамент США прямо заявляет о своих намерениях «отстыковать страны Центральной Азии от России»⁸, а агентство по международному развитию *USAID* ставит задачу снизить зависимость стран Центральной Азии от российских рынков и экспортных маршрутов.

В феврале 2020 года была опубликована стратегия США в Центральной Азии на 2019–2025 годы, где особо подчёркивается, что Центральная Азия – геостратегический регион, важный для национальной безопасности США. В стратегии особо отмечены два вектора – противодействие усилению Китая в регионе и содействие в стабилизации Афганистана – в части не только противодействия угрозам терроризма, но и экономического развития страны. С 2021 года стала появляться информация о желании Вашингтона возобновить⁹ своё военное присутствие в регионе и вновь открыть военную базу «для борьбы с терроризмом». В нынешней геополитической ситуации представить такое невозможно, поскольку ни Россия, ни Китай, который имеет экономические рычаги давления на элиты стран Центральной Азии, не допустят подобного, а сами страны региона относятся с пониманием к интересам Москвы и Пекина. США, однако, активно взаимодействуют по двусторонней линии. Например, в октябре 2022 года директор по ресурсам и анализу центрального командования США Роберт Ангер посетил приграничную зону Киргизии и Таджикистана. Цели и задачи данного визита не вполне прозрачны, но, очевидно, связаны с большим интересом США к изучению Ферганской долины – «пороховой бочки» Центральной Азии.

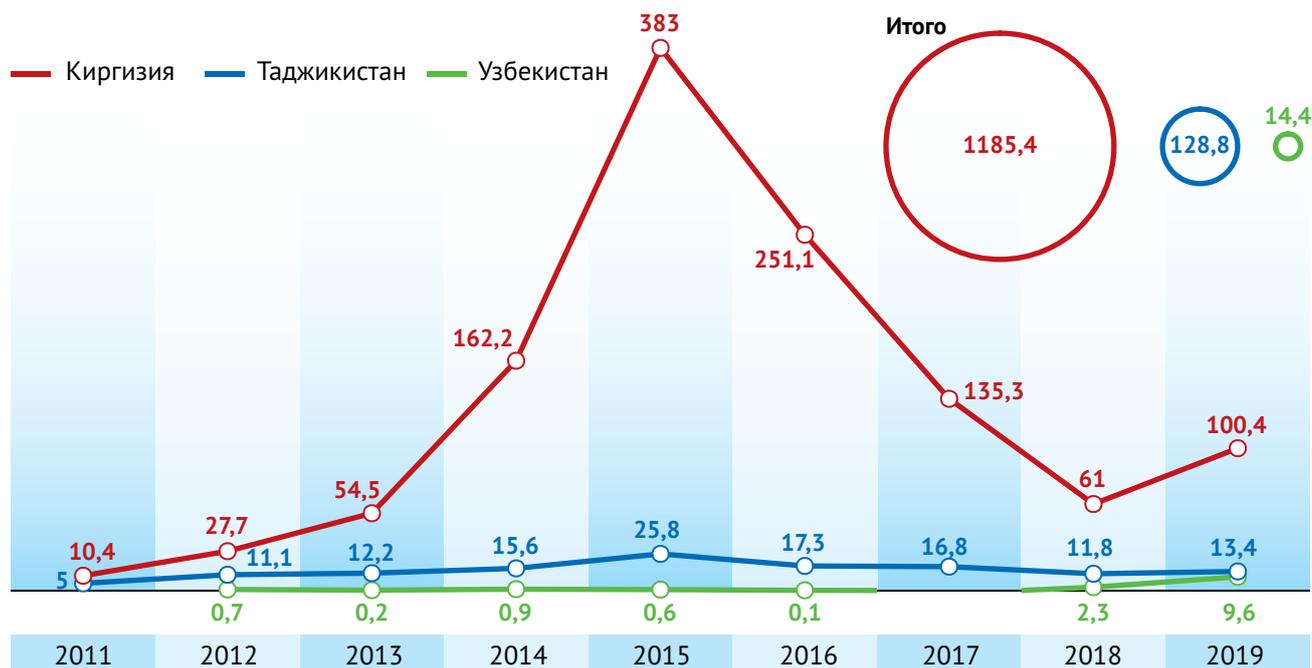
Вектор на противодействие влиянию Китая и России в регионе реализуется инструментами «мягкой силы», в том числе через создание внутригосударственных систем и лоббистских структур. Такими структурами могут быть партии, средства массовой информации, объединения гражданских активистов, влияющих на процесс принятия решений и общественное мнение.

---

⁸ США хотят «отстыковать» Центральную Азию от России, заявили в USAID // РИА Новости. 15.09.2022. URL: <https://ria.ru/20220915/aziya-1816872302.html>.

⁹ США уже размещали свои военные базы на территории стран Центральной Азии. Так, в Киргизии функционировала база Манас (2001–2014), в Узбекистане – Ханабад (2001–2005).

РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПОМОЩИ ПО СТРАНАМ

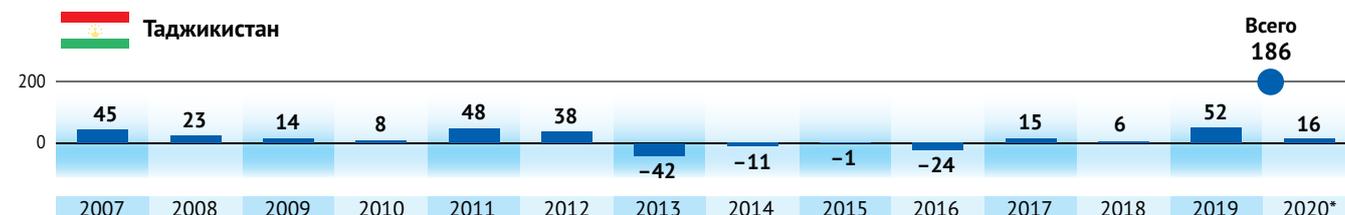
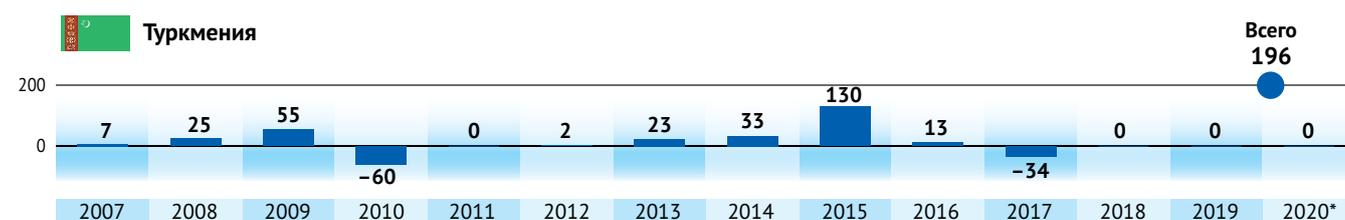
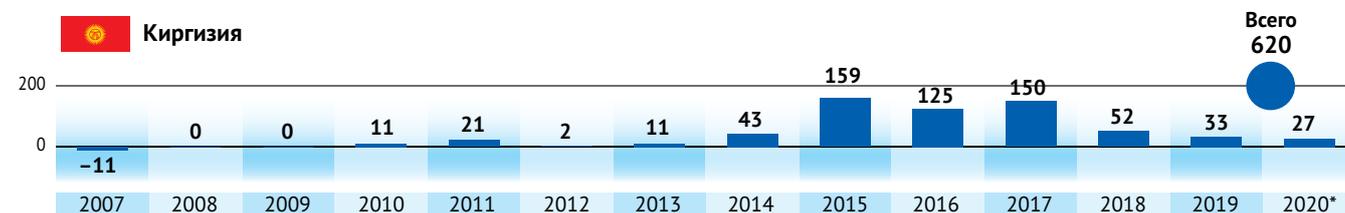
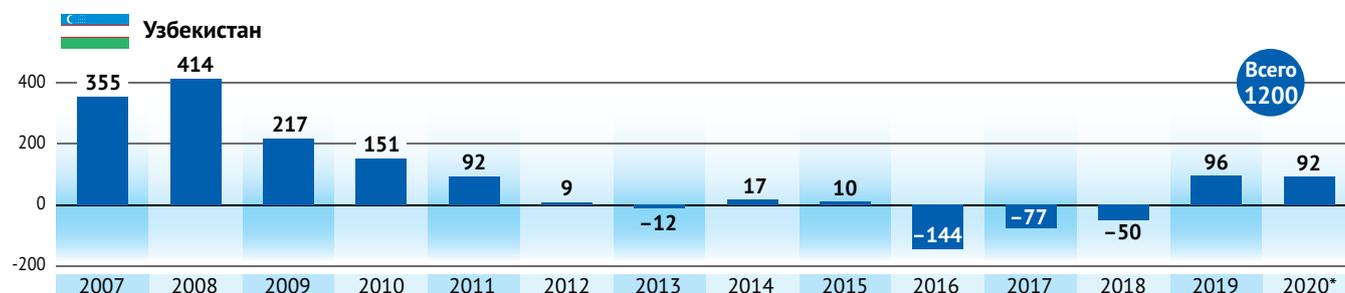
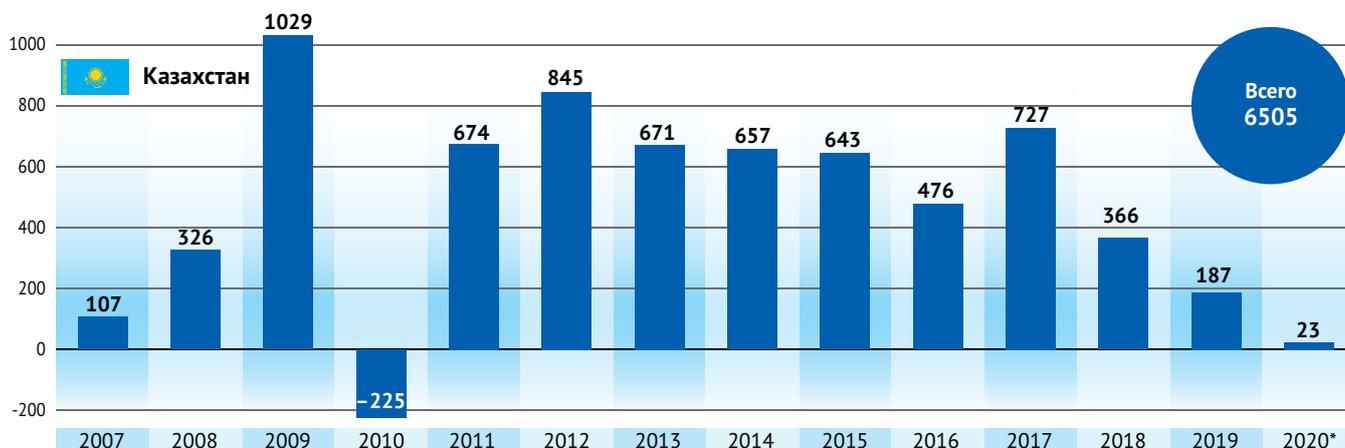
Источник: составлено на основе статистики ОЭСР Aid (ODA) disbursements to countries and regions [DAC2a]

В 2022 году во всех странах Центральной Азии сменились послы США. Особое внимание заслуживают биографии: почти все руководители дипломатических представительств имели опыт работы с гражданским сектором.

Послом в **Казахстане** был назначен Дэниел Розенблюм, завершивший командировку в Узбекистане. Розенблюм начинал карьеру в сфере неправительственных организаций, занимающихся защитой прав рабочих в бывших республиках СССР, после долгое время курировал неправительственные организации, работающие с проектами экономических реформ, развитием демократических институтов и верховенства закона, институтов безопасности и распределения гуманитарной помощи в госдепартаменте США. Его прямая специализация – повышение качества работы некоммерческого сектора и работа с профсоюзами.

Назначение в **Узбекистан** получил Джонатан Хеник. До этого он занимал должность заместителя помощника госсекретаря в Бюро по делам Южной и Центральной Азии, где отвечал за общественную дипломатию в регионе. Ещё раньше Хеник был заместителем координатора Центра глобального взаимодействия. На этой должности он занимался координацией усилий США по противодействию дезинформации из России, Китая и Ирана. С прошлого года работал в Колледже информации и киберпространства при Национальном университете обороны руководителем кафедры Госдепартамента США.

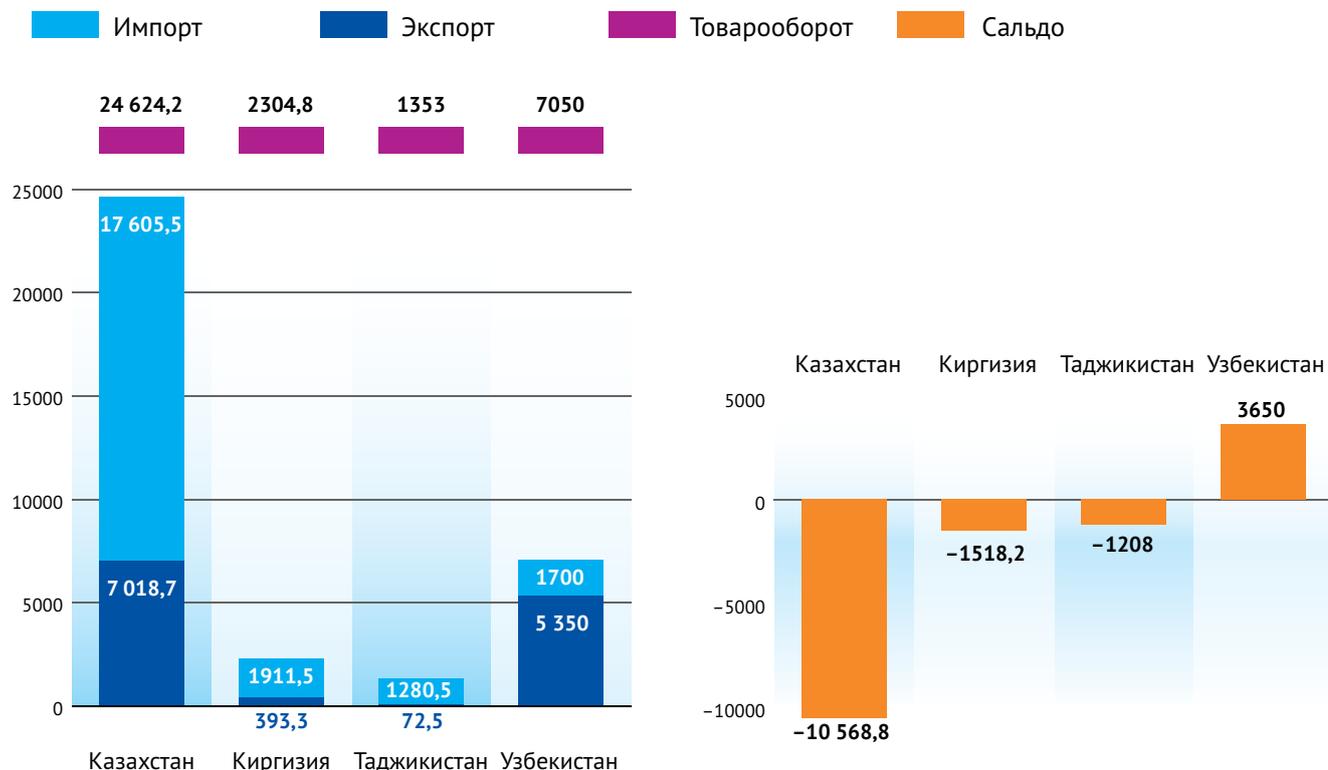
ПИИ РФ В СТРАНЫ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ (МЛН ДОЛЛ. США, САЛЬДО)

Источник: «Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж: операции по инструментам и странам-партнерам» Центрального банка Российской Федерации

*III квартал.

ТОРГОВЛЯ С РОССИЕЙ В 2021 ГОДУ, \$ МЛН

Источники: Внешняя торговля Республики Казахстан, Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан 2017–2021, Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, Национальный банк Узбекистана, Национальный банк Таджикистана

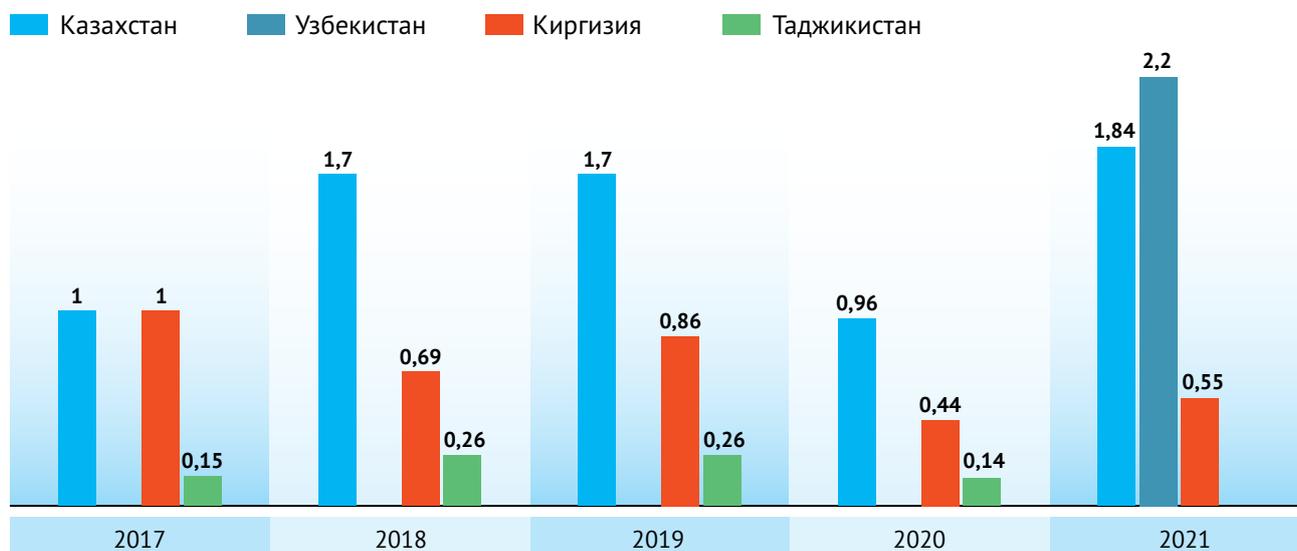
В **Таджикистан** назначение получил Мануэль Микаллер. Стоит отметить, что в начале карьеры Микаллер уже работал в Таджикистане советником по экономическим вопросам. А в официальной биографии указано владение не только русским языком, но и таджикским.

Новым послом США в **Киргизии** стал Лесли Вигери, работавший в госдепартаменте США заместителем помощника секретаря по Центральной Азии и Пакистану в Бюро по делам Южной и Центральной Азии. Ранее он был заместителем посла США в Узбекистане, работал в дипломатических миссиях в Дели и Москве. Вигери публично заявил¹⁰, что основной задачей на посту будет поддержка гражданского общества, развитие медиа и демократических институтов.

В **Туркмению** была назначена Элизабет Руд, бывший заместитель посла в Российской Федерации, преподаватель-консультант Военного колледжа армии США. Руд владеет русским, пушту, дари, французским, немецким и грузинским языками.

¹⁰ Профильный комитет Сената США утвердил кандидатуру нового посла в Киргизии // EADaily. 29.07.2022. URL: <https://eadaily-com.turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2022/07/29/profilnyy-komitet-senata-sshatutverdil-kandidaturu-novogo-posla-v-kirgizii>.

ИНВЕСТИЦИИ КИТАЯ В ЭКОНОМИКУ СТРАН ЦА, \$ МЛРД

Источники: Национальный банк Республики Казахстан, Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, Национальный банк Таджикистана, Национальный банк Узбекистана

Всё это коррелирует с увеличением финансирования, которое США ежегодно направляет на проекты в Центральной Азии. Стратегия США в регионе на 2019–2025 годы фиксирует сумму в 9 миллиардов долларов на «поддержание демократических реформ, гуманитарных инициатив и экономического роста». Помимо этого, порядка 50 миллиардов долларов планируется направить на развитие региона в виде займов, кредитов и технической помощи. В 2022 году резко увеличились объёмы финансирования проектов через агентство по международному развитию (*USAID*): для грантов по переориентации экспорта из Таджикистана, Киргизии, Казахстана и Узбекистана финансирование выросло с 15,2 миллиона долларов до 34 миллионов долларов США.

Хотя в реальном выражении объём помощи меньше, чем выделяется Российской Федерацией, точечная реализация – работа с неправительственным сектором, средствами массовой информации – позволяет формировать группы влияния на политику в стране и регионе. С учётом того, что целью США и, в меньшей степени, Европейского союза является дестабилизация региона, именно такие целевые вливания могут быть, с точки зрения Вашингтона, Лондона и отдельных европейских столиц, наиболее целесообразными. Стоит отметить, что в Киргизии и Казахстане была попытка принять закон об иностранных агентах, что встретило сопротивление со стороны прозападных активистов, и инициативы были отложены властями.

Несмотря на перечисленные усилия Запада, в среднесрочной перспективе реализация задачи «отстыковки региона» от сотрудничества с Россией

не представляется вероятной. Россия – крупнейший инвестиционный и торговый партнёр стран Центральной Азии, являющийся гарантом безопасности в регионе.

Китай

Китайская Народная Республика – основная мишень противодействия США в регионе – внимательно отслеживает процессы и реагирует на них. Важно отметить, что конкуренции между Россией и КНР в сфере безопасности нет. Россия и ОДКБ являются базовыми гарантами безопасности в регионе, что признаётся КНР. Это хорошо проиллюстрировал январский кризис, когда инструменты реагирования ОДКБ были успешно применены для стабилизации ситуации в Казахстане. ШОС и иные объединения не обладают механизмами применения реальной силы. Однако нельзя сказать, что в отдельных сферах военно-технического сотрудничества КНР не имеет веса в Центральной Азии.

Для КНР безопасность в регионе понимается не только как противодействие угрозам терроризма и экстремизма, исходящих из Афганистана, но и как контроль ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где проживают этнические уйгуры, а также казахи, киргизы, дунгане, таджики и другие народы. Поэтому приоритетом для КНР является контроль границ – в особенности Западного Китая, куда со стороны Афганистана ведёт плохо контролируемый Ваханский коридор, а со стороны Таджикистана патрулирование затрудняет ландшафт. В это направление Китай активно инвестирует. В частности в рамках двусторонних соглашений КНР построила для Таджикистана на территории ГБАО пять пограничных застав и постов, три комендатуры и учебный центр. КНР регулярно проводит совместные военные учения (как двусторонние, так и в рамках ШОС), предоставляет военно-техническую помощь, объём которой публично не афишируется. Важность Центральной Азии подчёркивает государственный визит председателя КНР Си Цзиньпина в Казахстан в сентябре 2022 года, состоявшийся на фоне украинского кризиса и ухудшения китайско-американских отношений. Сейчас именно Китай – крупнейший инвестор в экономику стран Центральной Азии. Несмотря на то, что инвестиции распределяются неравномерно по странам, вложения в один только Таджикистан превышают объём китайских инвестиций в другие регионы, к примеру, Закавказье.

В контексте украинского кризиса Пекин пока не изменил свою политику по отношению к странам Центральной Азии и придерживается прежней стратегии: упор на экономику, невмешательство во внутренние дела и формирование положительного имиджа страны. Безусловно, дальнейшие действия Пекин будет предпринимать в зависимости от поведения самих стран Центральной Азии. Китай заинтересован в функционировании текущих

транспортно-логистических маршрутов, стабильном экономическом развитии и политической устойчивости региона, а главное – реализации уже заключенных договорённостей.

Турция

Говоря о влиянии украинского кризиса на международное положение стран Центральной Азии, нельзя не коснуться усиления в регионе турецкого вектора. Турция с начала 1900-х годов последовательно выстраивала внутреннюю парадигму лидера тюркского сообщества. Именно Турция первая из всех стран мира признала независимость стран Центральной Азии. Украинский кризис выдвинул Турцию и турецкого лидера на передний план: посредническая роль в урегулировании конфликта, лавирование между интересами мировых держав и успешное применение военной техники сделали Турецкую Республику хедлайнером средств массовой информации и основным каналом для переговоров между Россией и Западом.

Для Центральной Азии Турция – одна из моделей сравнительно успешного развития. Образ суверенного тюркского государства с традиционными исламскими ценностями, но светским образом жизни в сочетании с успешной внешней политикой стало драйвером роста общественной поддержки турецких проектов и повысило привлекательность интеграционных объединений. Идея объединения тюркских государств получила новый импульс в 1990-е годы. Инициаторами процесса тогда выступили Турция и Азербайджан. В 1992 году прошёл первый Саммит тюркоязычных государств, а с 1993 года функционирует Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ).

В 2009 году начал работу Тюркский совет, куда изначально вошли Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Турция. В 2014 году к Совету присоединилась Туркмения, которая с начала создания Совета имела статус наблюдателя. Позже, в 2018 году, в состав Совета официально вошёл Узбекистан. В том же году статус наблюдателя получила Венгрия. В 2020 году Украина заявила о желании получить статус наблюдателя, однако заявку не подала (с 2014 года на Украине, в офисе Объединённой диаспоры азербайджанцев, функционирует региональное диаспорское представительство Тюркского совета). В 2021 году на VIII саммите Совета сотрудничества тюркоязычных государств в Стамбуле президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган объявил, что Тюркский совет переименован в Организацию тюркских государств. Туркмения приняла решение стать наблюдателем в организации.

Взаимодействие в рамках организации происходит во многом в культурно-гуманитарном ключе, что крайне важно для республик Центральной

Азии, которые опираются в своей внутренней политике на культивировании этнонационального фактора. Однако это неоднородный регион: Казахстан, Киргизия, Туркмения и Узбекистан – тюркоязычные государства, Таджикистан же – персоязычный, что затрудняет формирование устойчивого интеграционного объединения на основе тюркской идентичности. Помимо этого, у организации нет реальной экономической базы – учреждённый в 2022 году инвестиционный фонд имеет уставной капитал в 350 миллионов долларов, что несопоставимо с инвестициями основных внешних игроков. На сегодня формат Организации тюркских государств является скорее дополнением к палитре международного сотрудничества региона, но уже в среднесрочной перспективе ситуация может измениться.

Меняющийся геополитический статус Турции напрямую влияет на привлекательность турецких проектов. Пока Турция не может предложить реальных инвестиционных инициатив. Однако с учётом антироссийских санкций, поиска альтернативных транспортных маршрутов и рынков сбыта Турция в среднесрочной перспективе может укрепить свои позиции в странах Центральной Азии.

Иран

Другим не менее заинтересованным игроком в регионе является Исламская Республика Иран. С избранием президентом Ибрахима Раиси Иран начал реализацию концепции «Взгляд на Восток», где одним из ключевых направлений является выстраивание сотрудничества со странами Центральной Азии и Кавказа. Несмотря на то, что в Центральной Азии Иран граничит только с Туркменией, транзитный потенциал региона крайне важен для Тегерана.

Находясь под серьёзными международными санкциями, ИРИ ищет возможности для развития собственной экономики в странах Южной Азии и Персидского залива. Для Ирана крайне важно развитие инфраструктурных проектов, в частности железнодорожной ветки Иран – Туркмения – Казахстан (ось Север – Юг). Сейчас ветка не использует всех мощностей, поскольку Казахстан и Туркмения не могут выбрать объём в полной мере. Подключение России к этому маршруту сможет придать сотрудничеству новый экономический импульс и укрепит интерес Тегерана в регионе.

В целом украинский кризис сузил возможности для реализации многовекторной политики стран Центральной Азии. Интересы России и Китая, имеющих реальные экономические и инфраструктурные проекты в регионе,

сталкиваются с интересами западных стран, которые, оказывая влияние на гражданское общество, пытаются скорректировать в свою пользу внешнеполитический выбор стран. Надежда на то, что можно будет как-то избежать вторичных санкций, используется Западом как повод посадить за стол переговоров по широкому спектру вопросов. Парадокс сложившейся ситуации в том, что, несмотря на сужение поля для маневрирования, государства региона усилили взаимодействие с внешними игроками, пытаясь за счёт интенсификации контактов избежать выбора конкретного вектора.

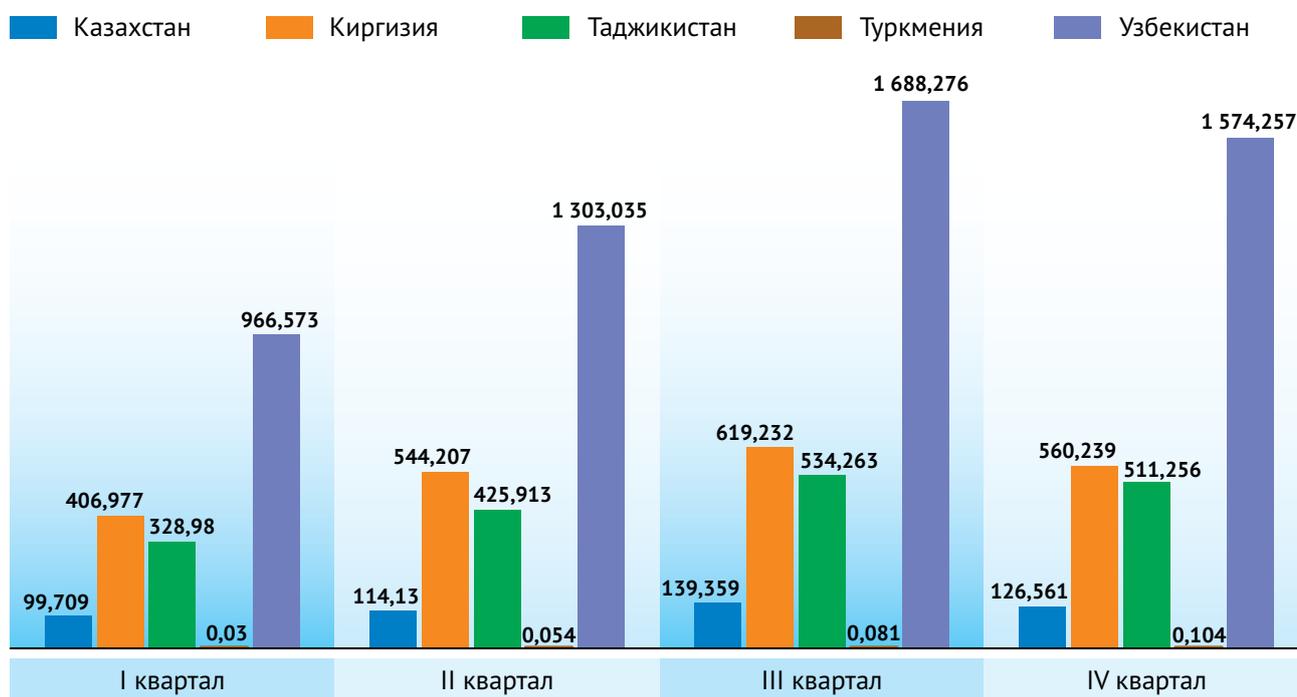
Экономические последствия украинского кризиса для Центральной Азии

Экономическая война Запада против России, развёрнутая после начала СВО, отразилась на странах Центральной Азии, их экономических отношениях с внешними партнёрами, а в перспективе может сказаться и на их способности к достижению основных целей развития. Особенно если учесть масштабы, которые приобрело давление США и Европейского союза на российскую экономику – за несколько месяцев 2022 года только Европейский союз ввёл восемь пакетов разнопрофильных ограничений. Всего страны Запада инициировали 10207 запретов, 1720 из которых – около 17 процентов – касаются фирм и компаний в энергетическом, финансовом, транспортном, информационно-технологическом и других секторах.

Эхо мощных западных рестрикций, конечно, доносится до стран Центральной Азии в силу их традиционно плотных и интенсивных экономических связей с Россией. Ведь они существуют не только в активной двухсторонней торговле, но и в деятельности интеграционных объединений и институтов – от СНГ и ЕАЭС до ОДКБ и работы финансовых институтов (Евразийский банк развития и Российско-Кыргызский фонд развития), сосредоточенных на конкретных проектах содействия развитию. Подобная взаимосвязанность грозит странам «пятёрки» вторичными санкциями, то есть ограничениями за деловые связи с подсанкционными лицами и компаниями, а также убытками из-за роста транспортных издержек, колебания валют и инфляции. Не говоря уже о политическом давлении с целью побудить партнёров России снизить или отказаться от многоуровневого взаимодействия с ней.

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ОПЕРАЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО ОСНОВНЫМ СТРАНАМ-КОНТРАГЕНТАМ

Перечисления из России с I квартала 2021 г. по IV квартал 2021 г.

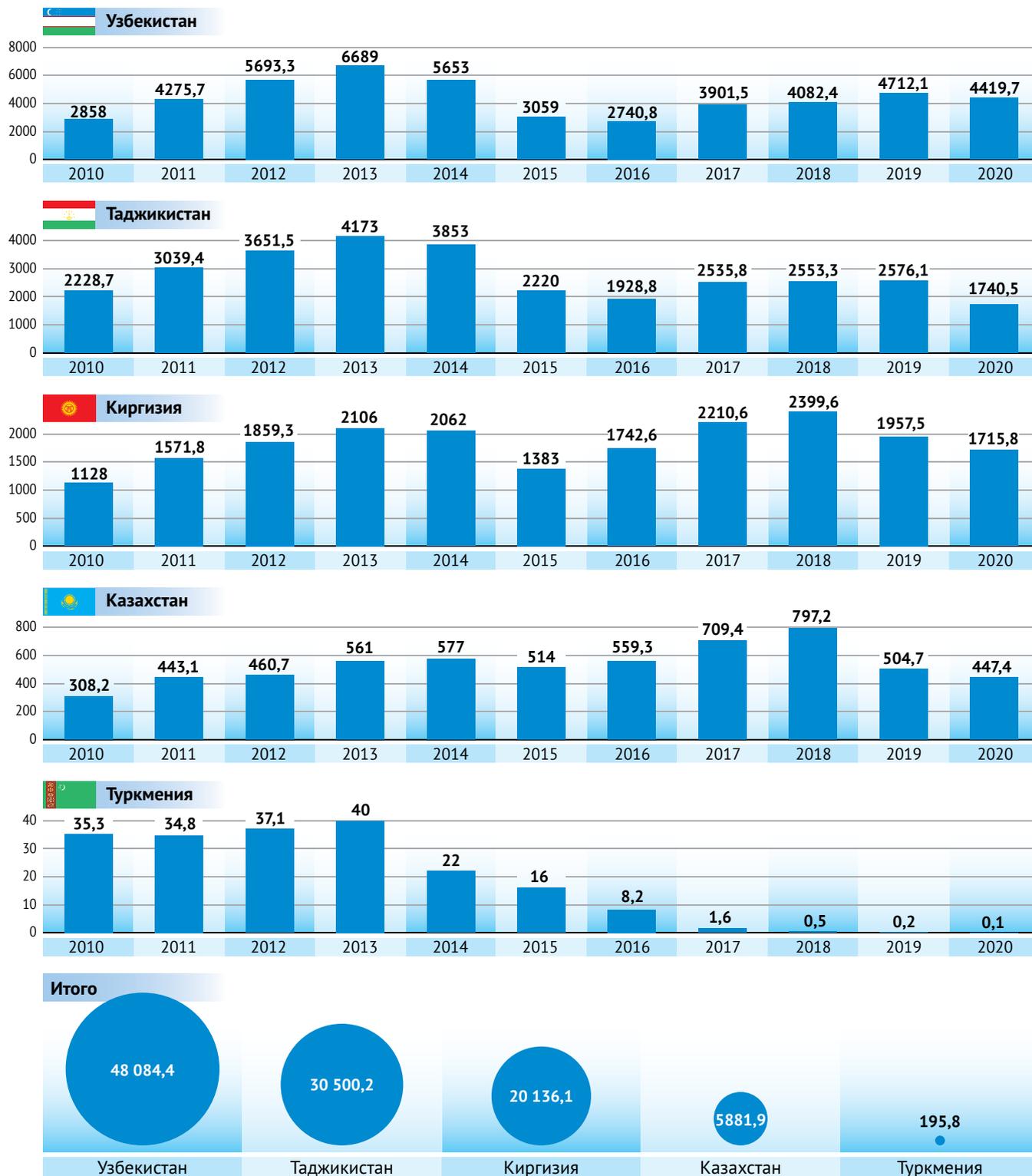
Источник: Центральный банк РФ

Санкционный режим против России последовал за «тощими годами» ковидной рецессии, вызовы которой были похожи на проблемы сегодняшнего дня и с которой регион относительно стойко справлялся. Тем не менее вызовы, с которыми тогда столкнулась каждая из экономик «пятерки», обнажили их слабые места, структурные пробелы и ограничители роста.

По окончании 2022 года можно сделать вывод, что глобальная турбулентность пока не оказала критичного влияния на регион, но значительно обострила существующие проблемы. Многие из них являются общими с Россией: высокая ориентированность экономик на экспорт сырья, импортозависимость, отсутствие альтернативных транспортных маршрутов и низкий уровень диверсификации спектра покупателей.

Чтобы снизить негативные последствия для экономик и политических режимов и согласовать действия центральных банков и правительств, в феврале – мае 2022 года Россия и страны Центральной Азии проводили регулярные отраслевые переговоры. Это позволило российским потребителям сохранить привычную номенклатуру товаров, поступающих с международного рынка, а странам Центральной Азии нарастить импорт в Россию. Скоординированная монетарная политика позволила избежать

ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ФИЗЛИЦ ИЗ РФ В РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ (МЛН ДОЛЛ. США)

Источник: составлено на основе базы данных Центрального банка Российской Федерации «Трансграничные операции физических лиц по основным странам-контрагентам «Перечисления из России с 2010 г. по 2020 г.»

паники на валютном рынке и оперативно стабилизировать курс национальных валют.

«Отключение» странами Запада российских банков от международной межбанковской системы *SWIFT* грозило усложнением торговых операций. Но своевременная подготовка Центрального банка России и запуск в 2014 году Системы передачи финансовых сообщений (СПФС), к которой на момент февраля 2022 года была подключена 331 организация, в том числе банки Казахстана, Киргизии, Таджикистана, а позже – Национальный банк внешнеэкономической деятельности Узбекистана, нивелировали риски и дали возможность нарастить торговлю.

Другим важным инструментом снижения эффекта антироссийских санкций для стран Центральной Азии стала платёжная система МИР, созданная также в 2014 году как аналог западным системам *VISA* и *Mastercard*. Несмотря на то, что МИР ограниченно функционирует в странах Центральной Азии (значительная часть банков опасается попасть под вторичные санкции), в Киргизии и Таджикистане, где большая часть ВВП (33 и 34,5 процента соответственно) формируется переводами трудовых мигрантов, крупнейшие банки пока работают с наличными деньгами и проводят оплату товаров. Это особенно актуально для правительств двух стран в связи с уходом с российского рынка платёжной системы *Western Union* – ранее одной из крупнейших платёжных компаний на пространстве СНГ и одной из основных для трансграничных переводов мигрантов.

В начале февраля 2022 года остро ставился вопрос о пребывании мигрантов на территории России в случае возникновения там экономических трудностей¹¹. Но для Киргизии, Таджикистана и Узбекистана возвращение мигрантов на родину грозит не только значительными финансовыми рисками для бюджета (переводы трудовых мигрантов составляют 33, 34,5 и 13 процентов ВВП соответственно), но и серьёзными социальными последствиями. Аналитики прогнозировали изменение структуры российского рынка труда, сокращение вакансий для трудовых мигрантов¹² и снижение объёма переводов¹³. Этот прогноз не оправдался: за период с января по май количество мигрантов увеличилось в 2 раза, по сравнению с 2021 годом, в денежном выражении объём переводов также увеличился. Так, за первые шесть месяцев 2022 года объём денежных переводов

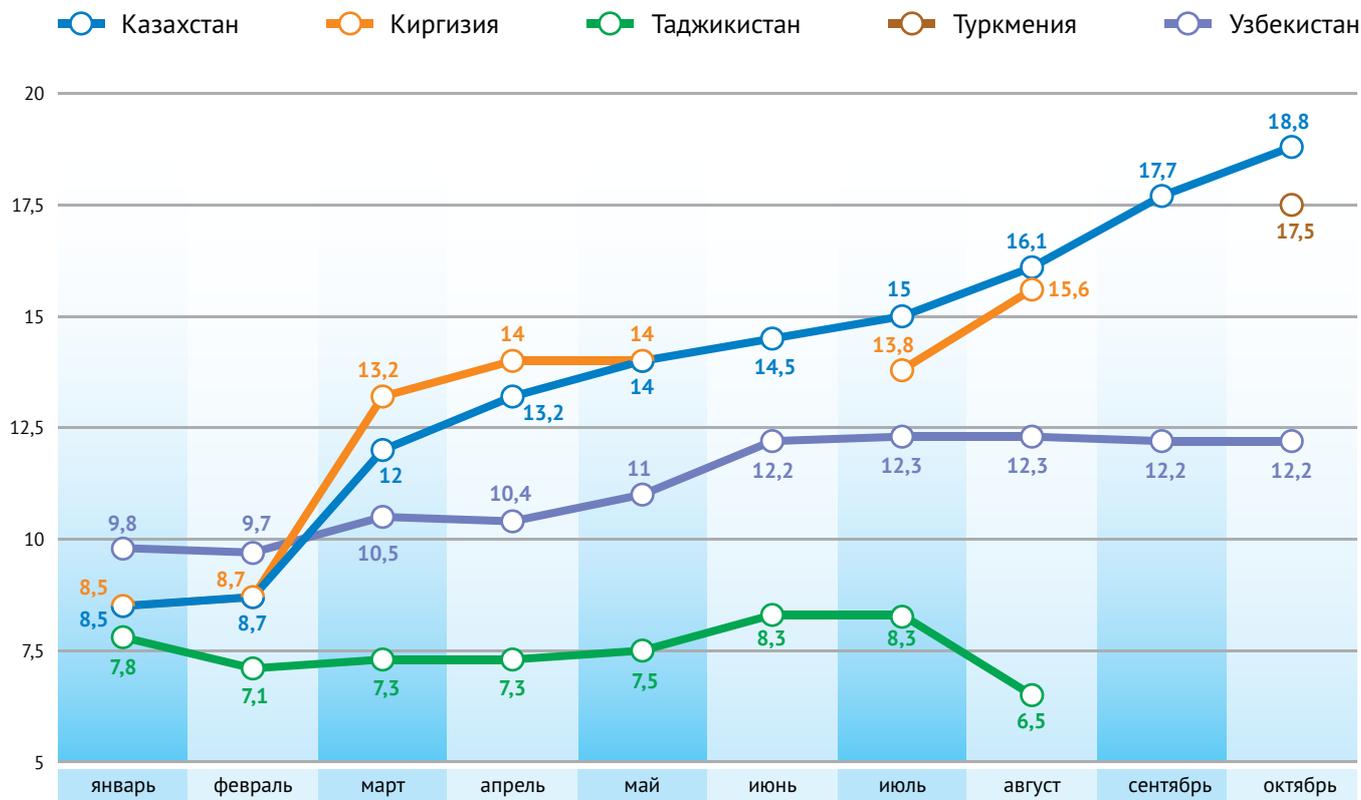
---

¹¹ В России фиксируется отток трудовых мигрантов // Ведомости. 28.03.2022. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/03/28/915601-ottok-trudovih-migrantov?utm_campaign=newspaper_29_3_2022.

¹² Безработица примеряется к росту // Коммерсант. 29.03.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5281886>.

¹³ Финансы утекают от всемирной прозрачности // Коммерсант. 16.05.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5354760>.

ИНФЛЯЦИЯ ПО СТРАНАМ РЕГИОНА ПО МЕСЯЦАМ, %

Источник: Годовой отчет НБК (Национальный банк Казахстана)

в Киргизию составил 1 миллиард 347,5 миллиона долларов, что на 94,26 миллиона больше, чем в 2021 году; в Узбекистане зафиксировано увеличение объёма переводов из России в 2,4 раза; в Таджикистане – на 3,4 процента. Стоит отметить, что это также результат последовательной совместной работы: Министерство труда России регулярно обновляет квоты на привлечение иностранной рабочей силы, что позволяет центрам занятости в странах Центральной Азии регулировать миграционные потоки.

Однако рекордный объём переводов, приток российских эмигрантов с наличными рублями при наличии серьёзного перекаса в торговом балансе между странами, глобальный логистический кризис, оказавший давление на производителей, привели к росту инфляции. До лета 2022 года ожидалось, что по региону инфляция достигнет 8,8 процента в 2022 году и 7,1 процента в 2023-м, а позднее, что вырастет до 11,3 и 8,1 процента соответственно. Действительно, в Казахстане и Узбекистане инфляция в течение года достигала рекордных значений. Это итог системной политики национальных банков, которые в рамках ещё «ковидной» политики поддержание экономической деятельности делали более приоритетным, чем борьбу с инфляцией.

Но в целом пессимистические прогнозы не сбылись, и экономики Центральной Азии показали результаты выше ожидаемых. Так, в начале лета Азиатский банк развития повысил прогноз роста для стран Кавказа и Центральной Азии с 3,6 до 3,8 процента. Это оказалось возможным благодаря привлечению прямых инвестиций, переносу производств и офисов крупных компаний, готовностью России идти навстречу своим партнёрам по выработке взаимоприемлемых решений в торгово-финансовой сфере.

Казахстан: инфляция против диверсификации

Экономика Казахстана структурно ориентирована на экспорт сырья. По данным на 2021 год, внешняя торговля занимает 66 процентов в структуре ВВП страны¹⁴. В разрезе товаров экспорта наибольшая доля приходится на минеральные продукты (66,0 процента), металлы и изделия из них (17,5 процента), продукцию химической и связанной с ней отраслей промышленности (4,8 процента) и продукцию животного и растительного происхождения, готовые продовольственные товары (4,5 процента).

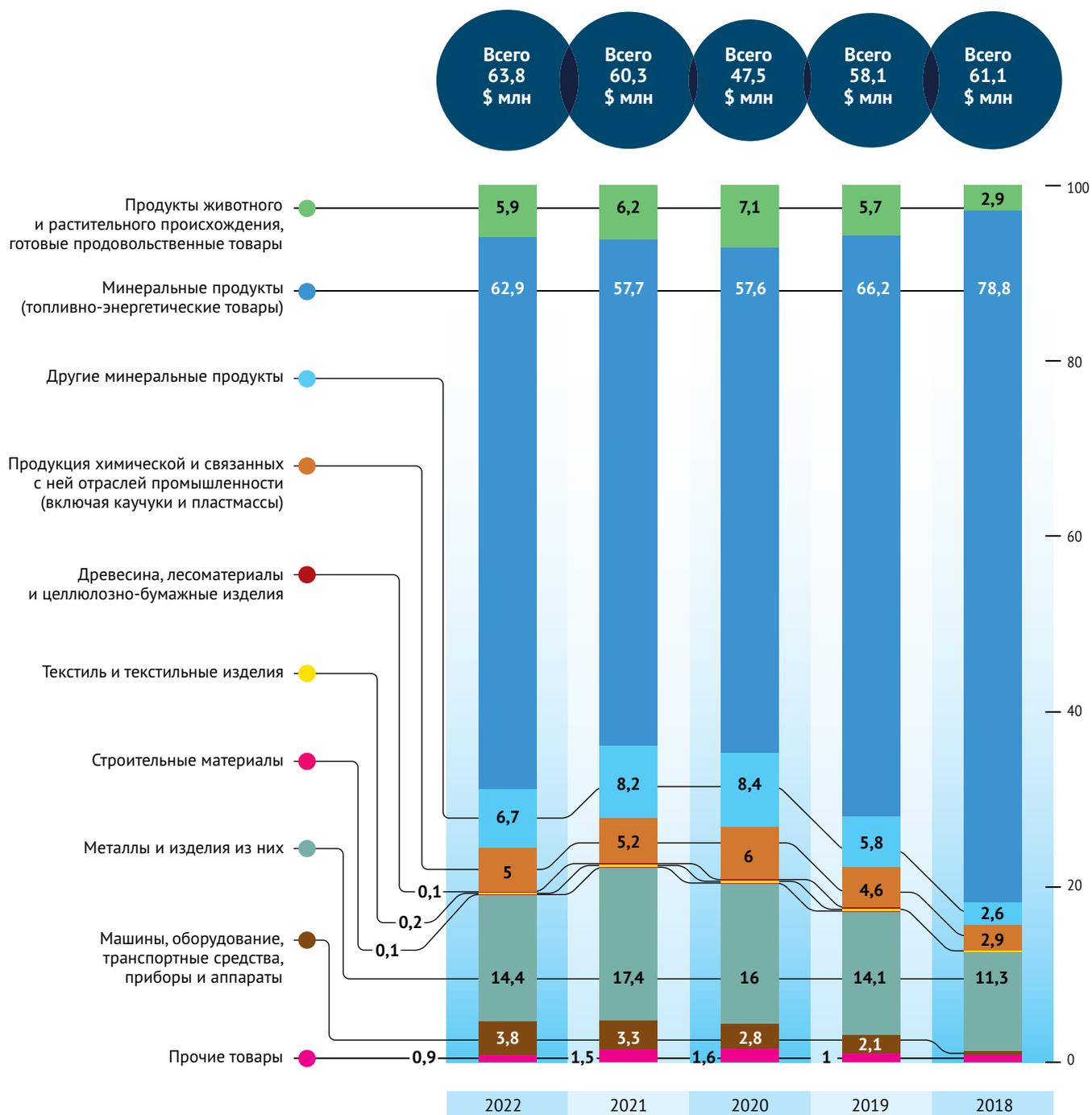
Развитие промышленного сектора – один из приоритетов развития Казахстана, зафиксированный в стратегии «Казахстан-2050». Несмотря на то, что наблюдается устойчивый рост индекса промышленного производства, обеспечивает его во многом добывающая промышленность.

Казахстан осознаёт, что развитие обрабатывающего сектора – крайне важно для национальной экономики. В этом ключе антироссийские санкции дают дополнительные возможности. Наименьший налог на прибыль среди стран ЕАЭС, облегчённые процедуры для переноса в страну производств позволяют потенциально увеличить количество таких предприятий. К примеру, сборочный цех планирует открыть Ирбитский мотозавод. Однако стоит отметить, что перенос производств, как и строительство новой инфраструктуры, – процесс не одномоментный. Несмотря на негативные прогнозы, в 2022 году объём прямых иностранных инвестиций в экономику Казахстана не упал, а увеличился. При этом Россия остаётся в списке ключевых инвесторов в республику.

Помимо этого, оживление получила деловая среда Казахстана. С января по май 2022 года количество действующих иностранных компаний увеличилось на 12,7 процента, достигнув 25 000 (13 000 из них – российские). Особняком стоит вопрос переноса офисов крупнейших иностранных компаний: в настоящий момент заявлено о переговорах с 51 компанией

¹⁴ Концепция государственной программы развития торговли Республики Казахстан на 2021–2025 годы // Открытые НПА. 20.02.2022. URL: <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=3186282>.

СТРУКТУРА ЭКСПОРТА КАЗАХСТАНА ПО ОСНОВНЫМ ТОВАРНЫМ ГРУППАМ, январь-сентябрь в % к итогу

Источник: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан

об открытии в Казахстане головных офисов, заинтересованных в рынке СНГ. Наиболее перспективным выглядит переход в казахстанскую юрисдикцию международных технологических гигантов с общей капитализацией свыше 27 миллиардов долларов. Перенос офисов, однако, серьёзно не повлияет на структуру экспорта страны. Для этого нужны не только новые производства, но и новые рынки, самым крупным и ближайшим из которых является российский, где компаниям ещё придётся решить проблему расширения присутствия в условиях экономических санкций Запада.

Вероятно, чтобы избежать критических рисков для экономики и социального напряжения, Казахстан решил занять публично жёсткую позицию в отношении антироссийских санкций: руководство страны неоднократно заявляло, что помогать в обходе ограничений не будет. Были даже созданы консультативные казахстанско-американские комиссии, направленные на разъяснение всех положений санкционной политики Запада. При этом реальный торговый оборот между Россией и Казахстаном вырос на 10 процентов, что говорит о достижении некоего консенсуса между Россией и Казахстаном по позиционированию страны в условиях санкционного давления.

В Казахстане наибольший негативный эффект антироссийские санкции оказали на рост инфляции. В сентябре 2022 года инфляция, по сравнению с прошлым годом, ускорилась до 17,7 процента, а в октябре возросла до 18,8 процента. Причин много: и внешняя нестабильность, и инерция предыдущего кризиса, и приток эмигрантов, и тесные связи с Россией. Так, в августе 2022 года на Россию приходилось около 40 процентов всего импорта. В целом по итогам 2022 года рост ВВП составил 2,8 процента – на 0,8 процента меньше, чем в постковидный 2021 год.

Причинами наблюдатели склонны считать инерцию общемирового замедления, высокие транспортные издержки и инфляцию, а также сокращение объёмов добычи нефти из-за плановых работ и перебоев на главной артерии страны – Каспийском трубопроводном консорциуме, который обеспечивает 70 процентов казахстанского нефтяного экспорта. При этом диверсификация поставок и создание собственных альтернативных маршрутов через Каспий в Европу требуют многих лет, миллиардных вложений и сложных согласований с членами «каспийской пятёрки»¹⁵.

Отдельно необходимо упомянуть различные инвестиционные проекты Запада и его помощь развитию. Проникновение в чувствительные сферы развития страны, в частности в энергетическую (французские компании активно пытаются войти в проекты по строительству АЭС), становится для казахских властей дилеммой. Отказ от договорённостей с Европой, к примеру,

---

¹⁵ «Каспийская пятёрка» – пять прикаспийских государств: Россия, Азербайджан, Иран, Казахстан и Туркмения.

несёт существенные риски для экономического и социального благополучия страны, но те же договорённости используются Западом как дополнительный рычаг давления на руководство Казахстана.

Киргизия: параллельный импорт – новое золото?

Киргизия рисковала почти 30 процентами ВВП на фоне отключения России от мировых платёжных систем и сокращения рынка труда, поскольку от 800 тысяч до более 1,5 миллиона её граждан работают в РФ. Однако за первые полгода объём денежных переводов из России увеличился на 10,5 процента, в денежном выражении это более 1 миллиарда долларов. Не показал снижения и торговый оборот, который достиг 1,4 миллиарда долларов в первом полугодии 2022 года, а за 8 месяцев составил уже 2 миллиарда. В целом объём экспорта составил 445 миллионов долларов, в то время как в прошлом году он равнялся 238 миллионам. Одной из причин стало участие в параллельном импорте парфюма, косметики, одежды и аксессуаров. Также оживил экономику и спрос со стороны нерезидентов на киргизские товары и услуги.

Тем не менее основной вклад в 7,2-процентный рост ВВП республики внёс традиционный драйвер экономики – золоторудный сектор и сельское хозяйство, показавшие значительный рост за счёт эффекта низкой базы 2020–2021 годов. Что касается весомых для экономики трансфертов, то их чистый приток по системам денежных переводов сократился на 90,9 миллиона долларов и составил 1,3 миллиарда долларов в январе – августе 2022 года.

В политико-экономическом плане Киргизия, как ни странно, столкнулась с меньшим давлением в силу большой ориентированности экономики на Россию. А вовлечённость в масштабные проекты с участием России определила и большее участие России в поддержке Киргизии.

Таджикистан: ложная тревога и победа над инфляцией

Для Таджикистана первые недели кризиса оказались тревожными в связи с зависимостью от переводов трудовых мигрантов, также составляющих 34,5 процента ВВП страны. В марте рубль по отношению к сомони упал более чем на 20 процентов, а доллар вырос на 15–20 процентов. Это резко снизило платёжеспособность домохозяйств, особенно мигрантских семей. Но впоследствии рубль укрепился. И за январь – июнь 2022 года в Россию прибыло более 1,7 миллиона трудовых мигрантов, что на миллион превысило показатели прошлого года.

Ещё одной болевой точкой, по словам министра промышленности и новых технологий республики Шерали Кабира, стал нефтегазовый сектор. Однако проблемы сгладились за счёт роста на 17,4 процента в промышленности в целом (в добыче полезных ископаемых – на 9,9 процента г/г, в обрабатывающей промышленности – на 14,4 процента г/г, в энергетике – на 15,4 процента г/г). Это, а также рост розничных продаж, подстёгнутый оптимизмом после укрепления рубля, способствовало подъёму ВВП, который приблизительно будет равен 7,5 процента по итогам 2022 года.

Для Таджикистана подорожали импортные товары, на которые в условиях роста экономики повышался спрос. Но ключевые статьи импорта – горюче-смазочные материалы и продовольствие – во второй половине года подешевели. Это вкупе с жёсткой политикой Национального банка позволило переломить региональный тренд и снизить инфляцию до 5,7 процента по сравнению с предыдущим годом.

Таким образом, Таджикистан, будучи серьёзно зависимым от общего состояния экономики России, как и Киргизия, путём постоянных консультаций и попыток выработки взаимовыгодных договорённостей пока выходит из нынешнего кризиса с минимальными потерями. А долгосрочно, в случае успеха проводимого двустороннего подхода, ориентированного в том числе на учёт интересов России, может упрочить своё экономическое положение и обеспечить приемлемый уровень социальной стабильности для будущего транзита власти.

Туркмения: другие драйверы

По официальным данным, Туркмения не только смогла удержать рост ВВП на уровне 6,2 процента, но и нарастить розничный товарооборот на 10,5 процента, а внешнеторговый – на 38,6 процента по сравнению с 2021 годом. Влияние санкций и связанной с ними переориентации производственных цепочек повлияли на страну лишь косвенно. Гораздо большую роль сыграло её открытие зарубежному транзиту, импорту и экспорту после коронавирусных ограничений. Туркмения восстановила авиасообщение с Россией лишь с мая 2022 года, а транзитные грузоперевозки из Узбекистана в Иран и в обратном направлении с 1 июня. Транзит для водителей иностранных транспортных средств с других направлений был открыт 8 сентября. В этом контексте рост товарооборота оказывается следствием эффекта низкой базы.

Что касается потенциального влияния на страну антироссийских санкций, – спровоцировав рост цен на энергоносители, они повышают мотивацию Туркмении экспортировать газ в Европу, развивая проект Транскаспийского газового коридора. Так, о хороших перспективах сотрудничества Туркмении и ЕС заявлял в октябре текущего года глава «Туркменгаз». Но речь идёт о косвенном влиянии, причём на будущее экономики страны. Пока проект Транскаспийского газового коридора упирается в проблемы согласования газопровода с Россией и Ираном – конкурентами и нынешними транзитными странами, а значит, сдвигаются и сроки постройки.

При этом в отличие от партнёров по региону Туркмения публично выражает повышенную заинтересованность в развитии торгово-экономического и транспортно-логистического сотрудничества с Россией, придерживаясь своего нейтралитета. Вероятно, это позволяет ему более успешно маневрировать между Западом и Россией, выбирать выгодную для себя модель и не ориентироваться на шантаж Запада.

Узбекистан: адаптация ради инвестиций

Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев 4 марта 2022 года поручил кабинету министров подготовить план по смягчению всех негативных последствий антироссийских санкций. В том же месяце двухсторонний Российско-узбекский деловой совет договорился о мерах по устранению торговых барьеров и укреплению сотрудничества. Это укладывается в контекст как торговых, так и инвестиционных отношений между Россией и Узбекистаном. В 2021 году Россия вышла на первое место среди стран-партнёров Узбекистана, потеснив Китай. Доля товарооборота с ней составила 17,9 процента. Что касается инвестиций, значимых для развития инфраструктуры Узбекистана, то Россия с 2016 по 2021 год вложила в Узбекистан 9 миллиардов долларов, что сделало его вторым реципиентом российских активов среди стран СНГ.

Тенденции на наращивание притока российских средств в Узбекистан продолжились в 2022 году. Россия стала лидером по вложениям в его экономику: её инвестиции составили к концу октября около 21 процента от общего числа внешних вливаний в Узбекистан. В стране на российские средства реализуется двести проектов в сферах нефтехимии, энергетики, горной металлургии, здравоохранения и фармацевтики, лёгкой промышленности,

производства строительных материалов стоимостью 20 миллиардов долларов. Инвестиционный голод и модель развития, опирающаяся на внешние заимствования, не позволяет Узбекистану отказаться от торговых отношений с таким партнёром и требует адаптации к изменению международного положения и давлению Запада на Россию.

Значимую инициативу проявили как государство, так и частный сектор. Показательным стал кейс системы электронных денег *OSON*. В первые недели кризиса, когда пользователи активно переводили средства на российские кошельки и возрос риск мошенничества, *OSON* поставила на ручной контроль часть транзакций, чтобы обеспечить безопасность возросшего объёма трансфертов и платежей. Также стоит отметить поддержку государством местных экспортёров: банки стали принимать рубли и конвертировать их в доллары по курсу *Forex*, получая комиссию в размере 0,3 процента, в результате чего конвертация в Узбекистане стала дешевле. Таким образом, падение рубля повлияло на курс сума незначительно. Наконец, несмотря на санкции и западное давление, активно развиваются существующие промышленные проекты России в Узбекистане. Всё это, наряду с бизнес-активностью в сферах услуг и государственной помощи, внесло вклад в рост внешнеторгового оборота товаров и услуг и стало драйверами роста ВВП на протяжении 2022 года. К концу третьего квартала рост составил 5,81 процента. Темп роста индекса потребительских цен к декабрю достиг 12,3 процента, что типично для всего региона.

Подводя итог, можно сказать, что антироссийские санкции Запада не изменили структуры центральноазиатских экономик, не стали причиной резкой переориентации на рынки ЕС или КНР и не привели к полномасштабному краху. Драйверы роста, оформившиеся ещё в 2010-х годах, сохранили свою значимость в условиях кризиса. При этом антироссийские санкции и реакция на них в странах «пятёрки» стали зеркалом проблем, которые существуют внутри самих государств и связаны с традиционными направлениями внешнеэкономических связей.

Сейчас мы наблюдаем выработку разных подходов республик к усиливающемуся санкционному давлению Запада на Россию. Одни пытаются публично или неявно нивелировать своё многоуровневое сотрудничество с Россией – то ли с целью обойти острые углы своего внутривнутриполитического и социальноэкономического положения, то ли из стремления отмежеваться от России. Другие адекватно оценивают крайне низкую прогнозируемость будущего и берут за основу устоявшиеся доверительные и взаимовыгодные связи с Россией, стараясь найти свою нишу и заручиться российской поддержкой там, где внешние вызовы могут ударить сильнее всего (мигранты, углеводороды и логистика).

Кризис в Европе и политические позиции стран Центральной Азии

С февраля 2022 года страны Центральной Азии испытывают постоянное внешнее давление относительно своей позиции по вопросу украинского кризиса. Несмотря на то, что все страны региона оказались политически и социально-экономически относительно готовы к последствиям столкновения России и Запада, теперь они должны решать задачи взаимодействия со своим главным партнёром, учитывая не только свои внутренние проблемы, накопившиеся за тридцать лет независимости, но и давление внешних держав. Россия была и остаётся ближайшим партнёром и союзником, и понятно, что позиционирование стран Центральной Азии не может не формироваться в отрыве от многолетнего и многоуровневого сотрудничества. Однако изменилось поведение стран Запада. Нейтральность публичной позиции и акцент на дипломатических методах решения конфликта на Украине были последовательной стратегией всех стран Центральной Азии с 2014 года, но сейчас западные партнёры требуют от центральноазиатов «выбрать сторону».

Россия, со своей стороны, продвигает идею союзничества, сложившегося на основе накопленного опыта, и проявляет гибкость при поиске компромиссов и взаимовыгодных решений торгово-экономических и дипломатических проблем. Запад, напротив, пользуясь последние тридцать лет плодами многовекторной политики стран Центральной Азии и нарастив своё экономическое и гуманитарное влияние в регионе, стремится склонить республики к отрыву от России и переориентации их на Турцию в рамках проекта «Великого Турана» или же на Запад, обещая расширенные партнёрства и соглашения.

Китай формально не изменил своей позиции, но, видя для себя возможности, начинает вовлекаться в военные и политические вопросы, что раньше хотя и происходило, но с меньшей интенсивностью. Турция, в свою очередь, повышает уровень диалога с центральноазиатскими партнёрами через механизмы Организации тюркских государств и культурно-гуманитарного взаимодействия, но не может предложить работающий ориентир для стран региона из-за слабости собственной экономики и существенных идеологических ограничений: на одном общетюркском единстве

не построить новый интеграционный проект на пространстве от Анкары до Бишкека.

Страны Центрально-Азиатского региона предприняли в 2022 году очередную попытку найти ответ на внешние вызовы на пути координации своих позиций. Однако, как и ранее, целый комплекс внутривнутриполитических проблем (устремления лидеров, восприятие населения, политико-экономическая целесообразность) привёл лишь к общим декларациям о намерениях, которые в очередной раз были сформулированы на саммите глав государств «пятёрки» в киргизской Чолпон-Ате в июле текущего года.

Таким образом, государства Центральной Азии оказались перед целым комплексом новых внешних вызовов: это и давление со стороны Запада, и заискивание со стороны Турции, и погружение в дела центральноазиатов Китая, и, главное, восприятие России и её действий собственным населением и элитами. Анализируя внешне- и внутривнутриполитические действия элитных групп стран Центральной Азии на протяжении уходящего года, можно сделать вывод, что камнем преткновения служит далеко не только экономическая целесообразность соблюдения или обхода антироссийских санкций. Каждая страна прошла болезненный путь становления государственности с момента развала Советского Союза и каждая сейчас делает выбор: встраиваться в новую модель региональной безопасности и транспортно-логистических цепочек в рамках реформирования мирового порядка, сохранять баланс между Россией, Западом, Китаем, Турцией и другими акторами или же признать выгоды для социума, политики и экономики от продолжения интеграции в совместные с Россией проекты, обходя при этом неизбежно возникающие острые углы.

Казахстан

С начала украинского кризиса в 2014 году Казахстан предлагал выступить посредником для мирного урегулирования ситуации. В 2022 году ситуация повторилась. В начале апреля 2022 года президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев опубликовал в журнале *The National Interest* статью «Турбулентность в Евразии не замедлит прогресс Казахстана»¹⁶. Там говорится об «особом взаимном сотрудничестве» с Россией и одновременно – о глубоких традициях дружественных отношений с Украиной: «Мы уважаем её территориальную целостность, как это делает подавляющее большинство стран мира. Надеемся на быстрое и справедливое разрешение конфликта в соответствии с Уставом ООН». Схожую риторику Токаев

---

¹⁶ См.: Tokayev K.-J. Turbulence Across Eurasia Will Not Slow Kazakhstan's Progress // *The National Interest*. 4.04.2022. URL: <https://nationalinterest.org/feature/turbulence-across-eurasia-will-not-slow-kazakhstan%E2%80%99s-progress-201591>.

использовал в июне, выступая на Петербургском международном экономическом форуме. Важно отметить, что представители Казахстана крайне неохотно, но упоминают о причинах эскалации конфликта – срыве Минских соглашений и напряжённости вокруг ядерного статуса Украины. Также Токаев высказывался за признание Украины безъядерным государством и отказ Киева от членства в любых коалициях, называя такие шаги оптимальным способом выхода из кризиса. На фоне этого глава казахстанского МИДа Мухтар Тлеуберди призвал все страны мира разработать поэтапный план по полной ликвидации ядерных вооружений.

Однако, судя по заявлениям внешних игроков, от Казахстана ждут не обтекаемой внешнеполитической позиции, а конкретных заявлений ввиду его близости к России и плотной структуры торгово-экономических и политических связей. Интересно, что Казахстан официально направил значительную гуманитарную помощь Украине на общую сумму свыше 2,2 миллиона долларов и согласовывает митинги в поддержку Киева, в то время как за наклейки Z и V водители автомобилей получают штраф в размере 5 МРП за «нарушение правил эксплуатации транспортных средств».

Киргизия

22 февраля 2022 года президент Киргизии на своей странице в *Facebook*¹⁷ высказался о разворачивавшемся кризисе. Он подчеркнул необходимость урегулирования конфликта «исключительно мирным дипломатическим путём и за столом переговоров во избежание человеческих жертв». Вместе с тем Садыр Жапаров написал, что, «возможно, это была вынужденная мера для защиты мирного населения территорий Донбасса, где проживает большое количество российских граждан», и высказался в пользу признания того или иного государства как «суверенного права любой страны».

26 февраля, по сообщению пресс-службы президента России, глава Киргизии, «отметив ответственность Киева за срыв Минских договорённостей, выразил поддержку решительных действий российской стороной по защите мирного населения Донбасса».

Однако уже 9 марта, выступая перед депутатами Жогорку Кенеша (парламента страны), президент заявил, что Бишкек должен придерживаться нейтралитета в конфликте, поскольку не сможет остановить его. Ранее, 5 марта, МИД Киргизии предлагал при необходимости предоставить площадку для переговоров между Россией и Украиной.

---

¹⁷ *Meta* (включая соцсеть *Facebook*) признана в России экстремистской организацией, её деятельность на территории РФ запрещена.

В апреле, когда осуждение государств, придерживавшихся нейтралитета, высказали западные страны, президент Киргизии заявил, что нейтральная позиция в сложившейся ситуации возможна. Также он добавил, что «обе стороны имели равные возможности предотвратить войну», но «начали получать искажённую информацию» и «ввели президентов в заблуждение». Важно отметить, что в Киргизии, как и в Казахстане, штрафуют водителей автомобилей за наклейки Z и V.

Таджикистан

Власти Таджикистана публично избегают высказываний по теме текущего кризиса. Президент Эмомали Рахмон ни разу не упоминал украинский вопрос в публичных выступлениях, фокусируясь на угрозах терроризма и экстремизма.

В октябре 2022 года произошёл скандал, связанный с высказыванием блогера Дмитрия Гордона о том, что Таджикистан занимается производством иранских беспилотников на своей территории, которые Россия затем использует на Украине. В ответ на это таджикский МИД опроверг слова блогера и заявил, что Республика Таджикистан не осуществляет экспорт военной техники в третьи страны.

21 ноября 2022 года президент Таджикистана, принимая новых послов десяти стран, в том числе России и Украины, подчеркнул, что Таджикистан ведёт политику «открытых дверей» со странами разных регионов мира. Также он высказался о развитии и укреплении дружественных отношений, многопланового взаимовыгодного сотрудничества Таджикистана со странами, которые представляют послы.

Туркмения

12 марта 2022 года посол России в Ашхабаде Александр Блохин заявил, что власти Туркмении «придерживаются нейтралитета, стараются занимать равноудалённую позицию по этому вопросу, не принимают чью-либо сторону и всегда призывают к тому, чтобы все конфликты урегулировать дипломатическим способом». Дипломат добавил, что данный подход касается не только Украины, но и «Карабаха, и всех других конфликтов в любой точке нашей планеты».

В октябре президент Туркмении Сердар Бердымухамедов высказал интерес к расширению двухсторонних связей с Украиной. Туркмения имеет больше «козырей» на руках: она планомерно придерживается политики официального, признанного ООН, нейтралитета. Это позволяет стране занимать сбалансированную позицию в условиях давления Запада. Пока лишь очевидно, что Туркмения умело обходит острые углы, с которыми сталкиваются её партнёры по региону, и нацелена на развитие многопрофильных связей с Россией.

Узбекистан

25 февраля 2022 года лидеры России и Узбекистана провели телефонные переговоры¹⁸. В ходе них Шавкат Мирзиёев выразил понимание предпринимаемых с российской стороны действий. Также он подчеркнул, что споры и разногласия необходимо решать только на основании норм международного права. На следующий день, 26 февраля, пресс-секретарь президента отметил, что Узбекистан занимает взвешенную, нейтральную позицию по поводу конфликта.

Узбекистан дважды поставлял Украине незначительную гуманитарную помощь – в апреле и июне 2022 года (всего более 50 тонн гуманитарного груза). Получателем выступило Закарпатье. В марте Абдулазиз Камиллов, находящийся тогда в должности главы МИД, заявил, что страна продолжит «взаимовыгодное сотрудничество [с Россией и Украиной], исходя из [...] национальных интересов». Эту позицию уже 1 декабря подтвердила пресс-служба главы государства, отметив, что «внешнеполитическая повестка Узбекистана определяется исходя из интересов» и не зависит «ни от каких геополитических событий», в том числе украинского кризиса.

В целом позиция стран Центральной Азии по вопросу признания новых территорий носит системный характер. Так, на саммите Организации тюркских государств, который прошёл в ноябре 2022 года в Самарканде, Турция настаивала на принятии в организацию Северного Кипра в качестве наблюдателя. Однако МИДы Казахстана и Узбекистана выступили против, обозначив неизменность позиции.

---

¹⁸ См.: Телефонный разговор с Президентом Узбекистана Шавкатом Мирзиёевым // Президент России. 25.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67857>.

Все страны региона пытаются найти наиболее выгодную позицию для реализации собственных внешне- и внутривалитических целей. Одни сконцентрированы на максимальном самоустранении от европейского кризиса и попытках сохранить баланс внутри страны и в отношениях с внешними державами, другие – маневрируют между центрами силы в ожидании исхода столкновения России и Запада.

Евразийская связанность Центральной Азии

Военно-политический кризис вокруг Украины выявил системную проблему – Россия и страны Центральной Азии, опираясь на капиталоемкость отдельных транспортно-логистических маршрутов, оказались в условиях ограниченного количества рынков сбыта и импорта товаров. Европейские страны также оказались перед необходимостью искать альтернативные транспортные маршруты доставки грузов и сырья. В связи с этим 2022 год стал периодом активного обсуждения новых транспортно-логистических путей в Евразии.

Для Центральной Азии одним из приоритетных направлений является повышение транзитного потенциала с выстраиванием сопутствующей инфраструктуры. Однако в рейтинге по индексу логистики, по данным на 2020 год, Республика Казахстан занимает лишь 77-е место, Республика Узбекистан – 118-е место, Туркмения – 140-е, Киргизия – 146-е, Таджикистан – 153-е место. Это связано с недостаточным уровнем финансирования, влияющим на создание инфраструктуры, в том числе мягкой, с областью таможенного регулирования, проблемами ландшафта. Строительство новых маршрутов во многом затруднено и потому, что привязано к финансированию со стороны внешних инвесторов из-за нехватки собственных средств (за исключением Туркмении). Однако актуальность альтернативных маршрутов стоит остро.

В 2022 году введение антироссийских санкций и сложности при доставке сухопутным маршрутом через центр Европы приведут, согласно прогнозам, к совокупному падению объёма контейнерных перевозок на традиционных маршрутах на 25 процентов. По сравнению с показателями 2020 года объём перевозок по маршруту через Достык на Дуйсбург упал на 100 тысяч *TEU*, по маршруту через Забайкальск

на Польшу – на 50 тысяч *TEU*, через Наушки на Польшу – на 30 тысяч *TEU*, через Достык на Калининград – на 40 тысяч *TEU*. Объём перевозок по маршруту через Приморский край на Польшу сократился в 2 раза. Это вновь пробудило к жизни традиционную дискуссию о создании новых транспортно-логистических коридоров и частичном перераспределении грузопотоков. Одним из перспективных считается транскаспийское направление. И, действительно, в 2022 году в 2,5 раза увеличился объём перевозок на маршруте через Алтынколь на Каспий и далее в Турцию.

Однако на общем фоне евразийской транспортно-логистической системы, хотя маршрут и показал рост в 40 тысяч *TEU* по сравнению с 2020 годом, объём перевозок всё равно остаётся незначительным и не конкурирует с основными маршрутами. Так, несмотря на падение, объём поставок по маршруту Достык – Дуйсбург составил 250 тысяч *TEU*, в то время как по маршруту Алтынколь – Каспий – Турция – только 60 тысяч *TEU*.

С начала 2022 года наблюдается сильное снижение стоимости на морские контейнерные перевозки, что делает их вновь более привлекательными для многих направлений¹⁹. Для стран Центральной Азии, не имеющих выхода к морю, рост морских перевозок представляет серьёзную конкуренцию транзитным сухопутным маршрутам, которые, как показал 2022 год, имеют ряд как преимуществ, так и ограничений.

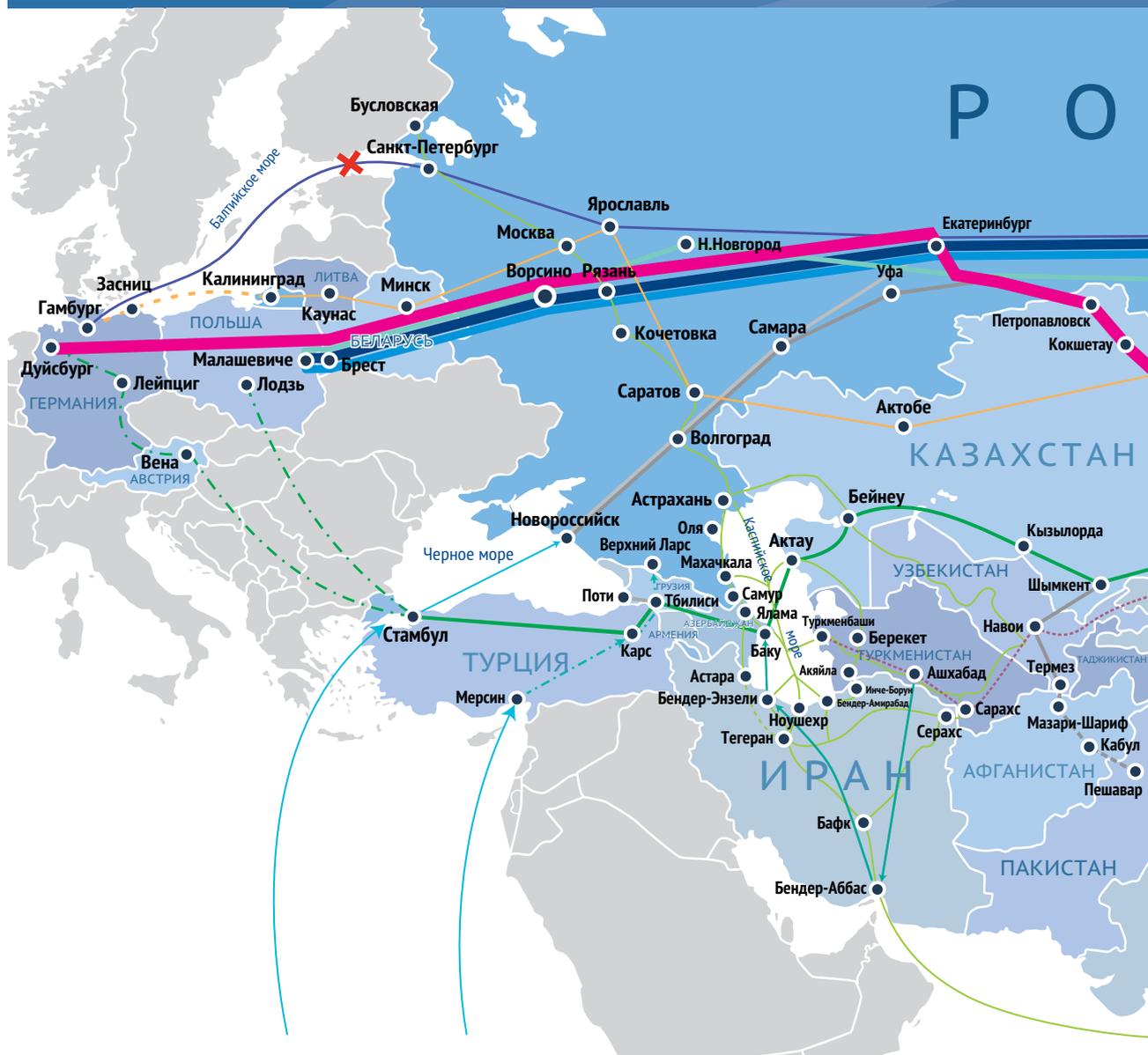
Рассмотрим основные из этих маршрутов.

Восток – Северо-Запад (Срединный коридор, или Транскаспийский международный транспортный маршрут)

В июне 2022 года Казахстан и Турция подписали ряд значимых соглашений, касавшихся возрождения так называемого Срединного коридора, соединяющего Китай и Европу в обход России – через территорию Азербайджана, Турции и Грузии (Баку – Тбилиси – Карс). Сам маршрут был разработан ещё в 2014 году, открыт в 2017-м, но полноценное его функционирование было затруднено и нерентабельно в сравнении с другими имеющимися маршрутами.

---

¹⁹ Обзор морского транспорта // ООН. 2022. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2022overview_ru.pdf.

Маршрут через Достык на Дуйсбург

(150 тыс. TEU за 2022 год)*

Маршрут через Забайкальск на Польшу

(100 тыс. TEU за 2022 год)*

Маршрут через Наушки на Польшу

(80 тыс. TEU за 2022 год)*

Маршрут через Алтынколь на Каспий и далее на Турцию

(50–60 тыс. TEU за 2022 год)*

Маршрут через Приморский край на Польшу

(30 тыс. TEU за 2022 год)*

Маршрут через Достык на Калининград

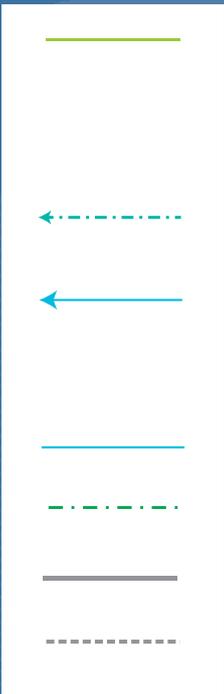
(22 тыс. TEU за 2022 год)*

Маршрут через Приморский край на Гамбург

(0 тыс. TEU за 2022 год)*

С С И Я

Маршрут Север – Юг
(3 тыс. TEU за 2022 год)*

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ИМПОРТ:

Автопоток Мерсин – Верхний Ларс

Морской поток из Гуаньчжоу в Стамбул
(15 тыс. TEU за 2022 год)*

Морские потоки

Автомобильные маршруты

Маршруты ж/д-перевозок

Планируемые маршруты

* Указаны округленные данные

Однако в 2022 году, по оценкам отчёта международной ассоциации «Транскаспийский международный транспортный маршрут», объём перевозок по маршруту вырастет в 6 раз и составит 3,2 миллиона тонн. И это при том, что, по словам премьер-министра Казахстана Алихана Смаилова, загруженность портов составляет пока только 20 процентов.

Стоит отметить, что есть значительное количество факторов, удорожающих стоимость перевозки по маршруту. Необходимость прохождения пяти таможенных служб, смена узкой железнодорожной колеи на широкую и неоднократная смена модальности – перегруз контейнеров с поезда на паром – всё это делает стоимость перевозки менее конкурентной. Кроме того, для увеличения объёмов контейнерных перевозок необходима значительная модернизация каспийских портов, создание дополнительных логистических центров и закупка контейнеровозов, что требует значительных инвестиций.

Считается, что самыми заинтересованными участниками проекта должны быть Китай и Турция. Китай в последние годы активно диверсифицировал свои маршруты, правда, отдавая предпочтения морским перевозкам. Вовлечение Китая в проект сопряжено со значительным увеличением пропускной способности маршрута, что, впрочем, чревато дополнительными сложностями – номенклатура товаров из Китая в Европу понятна, но номенклатура заполнения контейнеров на обратном пути требует осмысления, поскольку недозагруженность также увеличивает стоимость и влияет на конкурентоспособность маршрута.

Ранее Узбекистан выражал заинтересованность в маршруте Баку – Тбилиси – Карс – узбекская часть железной дороги Навои – Туркменбаши – Баку – Тбилиси – Карс была включена в комплексную программу совершенствования перевозки грузов на 2018–2022 годы. Однако приоритетом для Ташкента является развитие маршрутов на Южную Азию.

Как показал опыт 2022 года, основной поток связанного с Россией параллельного импорта реализовывался не через ТМТМ. Основной точкой сборки стал автомобильный пункт «Верхний Ларс» (Грузия), который замкнул на себе несколько маршрутов: морской поток Гуаньчжоу – Стамбул, где затем расплылся на автомобильные перевозки (через КП «Верхний Ларс») и морские (порты Сочи и Новороссийска), а также автопоток Мерсин – Россия через Новороссийский порт.

Международный транспортный коридор «Север – Юг»

Несмотря на то, что межправительственное соглашение о транспортном коридоре «Север – Юг» было подписано ещё в 2000 году, к 2022 году инициатива не была реализована в полной мере. «Север – Юг» был призван выстроить совершенно другой подход к экспорту, переориентировавшись на рынки Южной Азии, Персидского залива. Коридор включает в себя несколько маршрутов: Россия – Казахстан – Туркмения – порты Ирана – порты Пакистана – порты Индии; Россия – порты Каспийского моря – порты Ирана – порты Пакистана – порты Индии; Россия – Азербайджан – Иран – порты Ирана – порты Пакистана – порты Индии.

Для стран Центральной Азии наиболее значительными направлениями являются маршруты через территорию Афганистана, так называемые трансафганские. По понятным причинам строительство транспортных путей через территорию Афганистана, где в 2021 году к власти пришло движение «Талибан», сопряжено со значительным количеством рисков, что тормозит реализацию проектов. Но для ряда стран региона, в частности Узбекистана, маршрут, например, через Кабульский коридор (Россия – Казахстан – Узбекистан – Афганистан – порты Пакистана – порты Индии) является одним из наиболее значимых для развития собственной экономики ввиду географического положения.

Помимо Кабульского коридора, который продвигает Узбекистан, существуют и другие маршруты²⁰. Среди них: железная дорога Мазари-Шариф – Герат – Хаф – Чабахар (из Афганистана в Иран); Атамурат – Акина – Андхой – Мазари-Шариф – Кундуз – Шерхан-Бандар – Нижний Пяндж (Туркменистан – Афганистан – Таджикистан); Карачи – Кветта – Кандагар – Герат (из Пакистана в Афганистан и Иран); Герат – Мазари-Шариф – Кундуз – Шерхан-Бандар – Нижний Пяндж (из Афганистана в Таджикистан). Каждый из этих маршрутов включает в себя строительство железнодорожного полотна на территории Афганистана, что пока находится за гранью реального. Необходимость значительных инвестиций и ограниченный круг конечных бенефициаров делают часть марш-

---

²⁰ Князев А. О судьбах трансафганских проектов // ИАЦ. 29.06.2021. URL: <https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-knyazev/aleksandr-knyazev-o-sudbakh-transafganskikh-proektov/>.

рутов «конкурирующими», особенно в части технологических стандартов железнодорожного полотна, поскольку ширина колеи отличается в Иране, Индии и Узбекистане.

Но, несмотря на все риски и противоречия, проект трансафганского коридора по маршруту Термез – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар перешёл из теоретической плоскости в практическую. В июле 2022 года началась полевая разведывательная экспедиция в Афганистане. По предварительным данным, потребуется построить 264 моста, 7 тоннелей, 641 водопропускное сооружение. Общая стоимость проекта оценивается в 4,6 миллиарда долларов. Основным локомотивом строительства выступает Узбекистан, который, помимо собственного финансирования, планирует привлечь заёмные средства.

Другой маршрут, Мазари-Шариф – Герат – Хаф – Чабахар, крайне важен для Ирана, который также заинтересован в диверсификации маршрутов. Ещё в 2002 году Иран подписал соглашение с Индией о совместном использовании глубоководного порта Чабахар. Сам маршрут построен в значительной степени – за исключением участка Мазари-Шариф – Герат (около 730 км). Интересно, что в 2018 году США сняли санкции с порта Чабахар, чтобы поддержать экономику Афганистана и снизить зависимость стран региона от российских транспортных коридоров.

Российская сторона, в свою очередь, также может быть заинтересована в присоединении порта к транспортной системе Каспия через железную дорогу Чабахар – Захедан, строительство которой должно завершиться в течение двух лет, и восточную ветку коридора «Север – Юг» (Казахстан – Туркмения – Иран).

Сама железнодорожная магистраль Казахстан – Туркмения – Иран (восточный маршрут «Север – Юг») была открыта 3 декабря 2014 года. Несмотря на то, что пропускная способность маршрута составляет порядка 15 миллионов тонн в год, по данным на 2020 год, объём грузовых перевозок не достиг 300 тысяч.

2022 год очертил круг серьёзных проблем, связанных с классическими транспортными маршрутами, альтернативные пути не вполне готовы принять перераспределённые потоки. Так, по маршруту Китай – Европа уже сейчас наблюдается загруженность на погранично-пропускных пунктах, особенно на Достык – Алашанькоу и Алтын – Хоргос. Именно поэтому актуально строительство новых трансграничных пунктов. Наиболее перспективным направлением выглядит маршрут Синьцзян-Уйгурский автономный

район – Бахты – Аягоз с выходом на Турксиб и далее к Новосибирску. Казахстан уже заявил о планах строительства 270 км ветки Бахты – Аягоз до 2025 года. Поскольку реализация маршрута значительно дешевле, чем строительство транспортного коридора Россия – Монголия – Китай, маршрут может стать каналом для параллельного импорта.

Несмотря на перспективность альтернативных маршрутов (транскаспийских, трансфганских), пока традиционные торговые пути заменить нечем. Для строительства новых коридоров требуются значительные инвестиции. В странах Центральной Азии это понимают. В 2022 году Казахстан сохранил направление на реконструкцию и расширение железных дорог на участке Достык – Балхаш, в рамках маршрута Чунцин – Дуйсбург. Длина пути по маршруту составляет 11 тысяч 179 км и в среднем занимает шестнадцать дней, что на двадцать дней меньше, чем по морю из восточных портов КНР.

Особняком стоит вопрос транспортировки нефти и газа, которые играют ключевую роль в экономиках стран Центральной Азии.

Сейчас Казахстан – четвёртый крупнейший поставщик нефти в Европейский союз. Основной маршрут экспорта проходит через Россию. Каспийский трубопроводный консорциум соединяет месторождения Западного Казахстана с побережьем Чёрного моря, где под Новороссийском нефть перегружается в танкеры для дальнейшей отправки в Европу. Казахстан ежегодно поставляет на мировой рынок порядка 86 миллионов тонн (добыча регулируется соглашениями ОПЕК+). Сами запасы на нефтегазовых месторождениях значительны – к примеру, Тенгиз обладает запасами свыше 3,1 миллиарда тонн нефти. Правительство Казахстана неоднократно заявляло о готовности увеличить объёмы добычи нефти, но это не было востребовано в рамках сделки ОПЕК+. Тем не менее инфраструктура готовится: совместно с Россией Казахстан реализует программу устранения узких мест, направленную на оптимизацию мощностей КТК, с учётом потенциального роста объёма нефтедобычи.

В 2022 году в терминалах Новороссийска четыре раза случались поломки, мешавшие полноценной транспортировке нефти. Изношенность инфраструктуры и сложность ремонта ввиду антироссийских санкций вновь подняли вопрос о возможных путях диверсификации поставок казахстанской нефти. Наиболее перспективным Казахстан называет транскаспийский международный маршрут – перевоз нефти танкерами через Каспийское море, с последующим экспортом через нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан.

В ноябре 2022 года Казахстан, Грузия, Турция, Азербайджан подписали дорожную карту по синхронному устранению узких мест и развитию Срединного коридора на 2022–2027 годы. Среди приоритетов – увеличение пропускной способности порта Баку, строительство и введение в эксплуатацию ряда железнодорожных участков и другое. Планируется, что указанные меры позволят к 2025 году увеличить пропускную способность до 15 миллионов тонн в год. На сегодня максимальная свободная мощность для Казахстана – порядка 5 миллионов тонн, что несущественно в рамках казахстанского экспорта. Увеличение пропускной способности позволит диверсифицировать потоки казахстанского экспорта, но в настоящий момент нет проектов, которые могли бы стать альтернативой Каспийского трубопроводного консорциума. Свободные мощности есть в трубопроводе «Узень – Атырау – Самара», который при объёме 17 миллионов тонн в год загружен примерно на 70 процентов, однако это также нерелевантно для объёмов казахстанской нефти.

Туркмения занимает четвёртое место в мире по запасам газа. На 2021 год до 80 процентов туркменского газа закупалось Китайской Народной Республикой. Туркмения жизненно заинтересована в диверсификации своих поставок. Одним из таких направлений должен стать газопровод «Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия» (ТАПИ), общая протяженность маршрута – 1814 км. Реализация проекта началась ещё в 2015 году, однако запуск неоднократно переносился – прежде всего в связи с нестабильной ситуацией в Афганистане. После прихода к власти движения «Талибан», которое неоднократно заявляло о заинтересованности в реализации проекта, идея ТАПИ получила второе дыхание. Но строительство так и не началось и, вероятнее всего, начнётся нескоро. Стоимость проекта составляет свыше 7 миллиардов долларов. Туркмения планирует оплатить все строительные расходы по прокладке трубопровода на территории Афганистана по системе межправительственных займов – с последующим погашением Кабулом долгов за счёт дохода от транзита. Свою часть газопровода (от месторождения Галкыныш до границы) Туркмения уже выстроила.

Реализация этого проекта, как и все трансафганские маршруты, сопряжена с большим количеством рисков, но перспектива выхода на рынки Пакистана и Индии, где суммарная численность населения свыше 1,5 миллиарда человек и наблюдается ежегодный рост энергопотребления делают инициативу всё более привлекательной. Есть проблема, связанная с привлечением инвестиций, – замедление темпов роста мировой экономики, инфляция, технологические разрывы, вызванные санкциями, ведут к снижению объёма внешних финансирований сложных и рискованных проектов.

Заключение

Украинский кризис оказал двойственное воздействие на международное и внутреннее положение государств Центральной Азии. Сдержанная внешнеполитическая позиция и высокая степень ответственности региональных правительств и лидеров региона позволяют важнейшим соседям – России и Китаю – достаточно оптимистично смотреть на будущее Центральной Азии, видеть в этих странах надёжный тыл в период резкого обострения отношений с Западом и общей перестройки международного порядка.

В результате драматических изменений в Европе и российско-европейских отношениях страны Центральной Азии получили определённые преимущества в плане привлечения инвестиций и участия в международной торговле – от них самих зависит теперь, насколько эти возможности будут реализованы в более долгосрочной перспективе.

Россия не должна игнорировать то, что внутренние сложности развития и давление со стороны Запада уже в среднесрочной перспективе могут заставить правительства стран региона отвечать на достаточно сложные вопросы. К наиболее важным из них относится сохранение дружественных отношений с Россией и наращивание с ней торгово-экономических связей, а также необходимость поддерживать отношения с Западом, чтобы США и Великобритания не имели соблазна способствовать разжиганию политической нестабильности. Однако нельзя исключать, что в ближайшие годы страны Центральной Азии вновь не столкнутся с проявлениями вооружённого религиозного экстремизма, являющимися «сигналами» со стороны США и их ближайших союзников. Тем более что накопленные за годы независимости социально-экономические проблемы, неравенство и бедность вполне могут послужить основой для антигосударственных выступлений.

Основными краткосрочными следствиями украинского кризиса для стран Центральной Азии стали консолидация политических элит и отсутствие ярко выраженного негативного эффекта в экономике. Даже в случае Казахстана, который был в наибольшей степени затронут прямыми последствиями обрушения экономических отношений России и Запада, воздействие кризиса не стало драматическим, хотя, несомненно, ущерб казахстанской валютно-финансовой системе был нанесён. Во всех остальных случаях, за исключением Туркмении, негативный или позитивный эффекты разворачивающихся событий находятся в прямой зависимости от перспектив развития

российской экономики и способности Китая, в условиях постоянного ухудшения его отношений с Западом и необходимости консолидации ресурсов, активнее участвовать в экономических проектах региона.

В общеполитическом отношении украинский кризис имеет для государственных систем Центральной Азии двойственные последствия. **Во-первых**, факт массированного применения силы для решения внешнеполитических задач ставит международную и региональную безопасность в новые условия, когда страны должны учитывать российский опыт и соотносить его с собственными перспективами. **Во-вторых**, страны Центральной Азии также испытывают на себе тот консолидирующий эффект, который военные события на Украине оказали на политические системы их непосредственных участников в лице России и стран Запада и более удалённых государств.

Мы не знаем, как долго продлится действие этого эффекта и как оно скажется на внутренних особенностях развития и политического устройства стран Центральной Азии. Но, безусловно, это действие не сможет полностью «отменить» весь опыт внутреннего развития, накопленный за несколько десятилетий независимости.

Разумеется, и опыт этого развития, и способности противодействовать внешнему влиянию у всех государств региона разные. Например, мы видели, как внутренние проблемы Казахстана (вспомним январские события, требовавшие вмешательства сил ОДКБ), которые, по словам многих наблюдателей, пока никуда не делись, отразились на реакции страны на разразившийся в феврале 2022 года украинский кризис. Это тем более важно в свете того, что геополитическое положение Казахстана делает его привлекательным для противников России и Китая в международной политике.

Другие страны региона в плане способности правительств противостоять разрушительным тенденциям вызывают меньше тревоги, и для них эффект консолидации в краткосрочной перспективе будет более значительным. Хотя в некоторых случаях опасения, связанные с ожиданием последствий конфликта России и Запада, играют во внутривнутриполитическом дискурсе большую роль, чем можно было ожидать.

Не стоит игнорировать и тот факт, что в условиях зависимости от контролируемых США и их союзниками информационных потоков (особенно это заметно в Казахстане и Киргизии) правительствам приходится учитывать присутствующую в определённой части общества экзальтацию.

Подобные настроения становятся частью широкой национальной дискуссии о путях развития Центральной Азии или исправлении накопившихся проблем. Отдельные ответвления этой региональной дискуссии в России воспринимаются как недружественные, не учитывающие её интересы, разрушающие стабильные отношения между государствами и даже как попытки выстроить линию поведения на основе противопоставления российскому влиянию.

Другой фундаментальный вызов, на который будут должны отвечать друзья России в Центральной Азии, – это выработка общей стратегии развития внешнеэкономических связей и государственной политики в этой области в условиях постепенного сворачивания глобализации в привычной нам форме и экономической войны, которую против России ведёт сейчас Запад. А в перспективе трёх – пяти лет отдельные наблюдатели ожидают усиления мер агрессивного сдерживания уже в адрес Китая, сотрудничество с которым становится одним из ориентиров для стран Центральной Азии.

Соседское положение стран Центральной Азии по отношению к России делает экономическую войну Запада опосредованно выгодной для развития экономик региона, может способствовать возникновению или развитию в странах новых отраслей и производств, тем самым создавая прочную и диверсифицированную базу для государственной экономической политики в будущем. Это способствует большей интеграции с Россией, формированию крепких финансовых связей и сокращению формальной доли ведения совместной экономической деятельности.

Узбекистан, Киргизия и Таджикистан имеют все основания опасаться того, что ожидаемые в ближайшие полтора-два года «оседание» российской экономики, падение ВВП и рост безработицы в России приведут к сокращению отчислений со стороны многомиллионной армии трудовых мигрантов, что создаст экономические и политические трудности. Однако пока все эти негативные эффекты являются отложенными, а на практике мы наблюдаем обратное – увеличение количества трудовых мигрантов в России и их перечислений на родину.

Сегодня две крупнейшие экономики региона – Казахстан и Узбекистан – проводят разную экономическую политику: для Казахстана важнейшим остаётся встраивание в международные цепочки формирования добавленной стоимости, а Узбекистан, опираясь на свои преимущества в области демографии и промышленной базы, ориентируется на производство

конечной продукции и выход с ней на экспортные рынки. Невозможно сказать, является ли одна из этих стратегий универсальной и единственно верной. Но каждая из них имеет свои преимущества и по-своему подвержена влиянию опосредованных эффектов экономической войны Запада против России. Пока ведущие страны региона демонстрируют уверенность в своей экономической политике, но главное, чтобы восприятие действительности и глобальных процессов не расходилось с реальным положением дел. Не стоит сбрасывать со счетов и то, что у стран региона нет объективных конкурентных преимуществ в глобальном соревновании за инвестиции.

В меняющихся условиях все страны Центральной Азии стремятся сохранить достигнутые масштабы собственной интегрированности в мировую экономику и налаженные политические связи. Именно с этим связана общая сдержанность правительств стран региона в отношении поддержки России в её конфликте с Западом, хотя, по данным опросов, большинство населения, например, в Казахстане занимает позицию сочувствия или прямой поддержки России.

Страны региона, конечно, имеют основания опасаться того, что могут пострадать от прямых враждебных действий США и их союзников, но главной целью Запада будет нанесение ущерба российским и, в более продолжительной перспективе, китайским интересам.

Сам Китай пока ведёт себя сдержанно – сохраняются достигнутые в период до пандемии коронавируса показатели политического диалога и экономического сотрудничества, но большего оживления связей с китайской стороны можно ожидать уже после формального завершения пандемии в самом Китае.

Не стоит переоценивать масштабы потенциального влияния на регион Ирана или Турции, возможности которых всегда будут ограничены их экономическим потенциалом и сложным положением в рамках международного порядка.

В целом, нам представляется, что регион Центральной Азии в ближайшем будущем сможет демонстрировать достаточно высокую степень устойчивости к внешним вызовам, адаптивность к тем проблемам и возможностям, которые создает перестройка глобальной экономики и мировой политики. Наиболее важное значение как для стран Центральной Азии, так и для их соседей будет иметь внутренняя стабильность, способность хотя бы к частичному решению своих социально-экономических задач.

 RuValdaitweets
 valdaiclub
 valdaiclub
 valdaiclubcom
 Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»
admin@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ